

05,4

Театръ искусство.

Отдѣльные №№ по 20 копѣекъ.
Объявленія: 40 коп. строка пегита
(въ 1/2 страницы) позади текста,
70 коп.—передъ текстомъ.

Контора — Спб., Вознесенскій, 4
открыта съ 10 ч. утра до 5 ч. вечера.

Тел. 16-69.

Для телеграммъ:
Петербургъ, Театръ Искусство.
Условія подписки — см. на 1-й страницѣ.

XV годъ изданія == № 10
Воскресенье, 6 Марта

1911

ПОСЛѢДНІЯ ИЗДАНІЯ:

ТЕАТРАЛЬНЫЕ БОГИ ком. въ 3 д.
Гр. Гр. Го. ц. 2 р.

НАПОЛЕОНЪ и ПАНИ ВАЛЕВСКАЯ
п. въ 5 д., пер. съ польск. (Реперт. Спб.
Малаго т.). ц. 2 р.

БОГАТЫЕ п. въ 4 д. В. И. Томашевской
(премиров. на конкурсѣ имени Вучины при
Новорос. университ.). ц. 2 р.

ДВА и ОДНА ком.-ф. въ 3 д. съ фр. ц. 2 р.

РАБЫ ЧУВСТВА (Старикъ) п. въ 5 д.
Порто-Риша пер. съ франц. ц. 2 р.

БЕЗЪ КЛЮЧА ком. въ 1 д. Аверченко
ц. 1 р.

ПОЛКОВОДЦЫ (На развалинахъ) п. въ 4 д.
А. Кайдарова ц. 2 р.

НАША КОСА НА КАМЕНЬ (Первая
скрипка) пьеса въ 4 д. Густава Вида, пер.
Е.-Сергѣевой. ц. 2 р.

ЖЕНЩИНА И ПАЦЪ п. Пьера Лжиса,
пер. М. А. Потапенко, ц. 2 р.

MISERERE О. Юшкевича, ц. 2 р., роли 2 р.
50 к. Пр. В. 1910 г. № 6 с. г.

ПАМНА МАЛИШЕВСКАЯ (Метресса) п.
въ 3 д. Габріэли Запольской, ц. 2 р.

ДѢТИ ком. въ 3 д. Г. Вара, (м. 4, ж. 1),
ц. 2 р.

***БОГОМЪ ИЗБРАННЫЕ** др. въ 4 д. изъ
св. жизни Д. Венарье (авт. "Пасынки жи-
вни"). Удост. почет. отъзна на конкурсѣ име-
ни Островскаго, Пр. В. № 31 с. г. ц. 2 р.

ПЕРВАЯ ЛЮБОВЬ др. см. въ 4 карт. по
Тургеневу, Н. А. Крапениникова (репер.
Спб. Малаго т. и Т. Невлобина), ц. 2 р.

САМСОНЪ и ДАЛИЛА трагиком. (изъ
соврем. жизн.) въ 3 д. Перев. О. Дымова и
Витъ, (м. 6, ж. 3), Реперт. Спб. Драмат. т.
ц. 2 р. Пр. В. 1910 г. № 253.

ЗЕМЛЯКИ ком. въ 3 д. Ш. Ама изъ жизни
русск. евреевъ въ Америкѣ. Пр. В. № 44
с. г. ц. 2 р.

***ЛЮБОВЬ НА ЗЕМЛѢ** п. въ 4 д. Ив.
Новикова, (Реперт. т. Невлобина) Пр. В.
№ 31 с. г. ц. 2 р.

ПОЧТИ СВЯТОЙ др. въ 5 д. Р. Бракко,
Авторизован., перев. М. Андреевой, ц. 2 р.

ОЛЕ-ЛУК-ОЙЕ или Андерсеновы сказки, 5
карт. Н. Попова, (Реп. Т. Невлобина), ц. 2 р.

Смѣльчакъ, ком. въ 3 д. А. Атиса и Тр. Бер-
нара, пер. М. А. Потапенко, ц. 2 р.

Шальной парень (Мой другъ Теодди) п. 3 д.
(съ франц.) ц. 2 р.

***Смѣшная исторія** Вл. О. Трахтенберга, (Реп.
Спб. Мал. т.). Ц. 2 р., роли 2 р. 50 к.
Пр. В. 1910 г. № 272.

***Весеннее безуміе** Осипа Дымова, (Репер.
Спб. Драм. т.) ц. 2 р. Пр. В. 1910 г. № 279.

***Журналисты** п. въ 4 д. А. А. Яблоковскаго
ц. 2 р. Пр. В. 1910 г. № 272

***Люди** п. въ 5 д. Анатолія Каменскаго, ц. 2 р.
Пр. В. 1910 г. № 253.

***Хитрый дворянинъ**, ком. въ 4 д. А. Энгеля
(реперт. "Berliner Teater") ц. 2 р. Пр. В.
1910 г. № 272.

***Майскій сонъ** (Это былъ лишь сонъ), ком.
въ 3 д. Лотара Шмидтъ, пер. съ нѣм.
(реперт. Имп. Мих. т. и т. Сабурова)
(м. 4, ж. 3). Ц. 2 р. Пр. В. 1910 г. № 104.

***Лѣсные тайны** Евг. Чирикова (реперт. Спб.
Мал. т.), ц. 2 р. Прав. Вѣст. 1910 г.
№ 272.

***Въ золотомъ домѣ**, п. въ 4 д. Н. Ашешова
(Реперт. т. Невлобина) (м. 6, ж. 5) ц. 2 р.
Пр. В. 1910 г. № 253.

***Священная роща**, ком. въ 3 д. Кайяве и
Флерса, Реперт. Спб. Мал. т., пер. Н. С. ц.
2 р. Роли 2 р. Пр. В. 1910 г. № 130.

***Распутица**, д. въ 4 д. В. Рышкова (м. 6,
ж. 7) ц. 2 р., роли 3 р. Прав. Вѣст.
№ 240.

***Васса Желѣзнова**, п. въ 3 д. Максима Горь-
наго (ж. 7, м. 4), ц. 2 р., роли 2 р.
50 к. Пр. В. 1910 г. № 240.

Комедія брака, ком. въ 4-хъ д. С. Юшкевича,
ц. 2 р., ценз. 4 р., роли 3 р.

***Жуликъ**, п. въ 5 д. И. Н. Потапенко (м. 11,
ж. 6) ц. 2 р., роли 3 р. Пр. В. 1910 г.
№ 272.

***Три странички любви**, ком. въ 3 д. съ польск.
(м. 3, ж. 2) ц. 2 р. Прав. Вѣст. 1910 г.
№ 170.

***Безъ обряда**, п. въ 4 д. Марселя Прево
(м. 8, ж. 5) ц. 2 р. Прав. Вѣст. 1910 г.
№ 194.

***Темное пятно**, ком. въ 3 д. Г. Кадельбурга
ц. 2 р., роли 2 р. 50 к. Пр. В. 1910 г.
№ 170.

***Неразумная дѣва**, п. въ 4 д. А. Батайла,
пер. М. В. ц. 2 р. Роли 2 р. Пр. В.
1910 г. № 130.

Энциклопедія Сценическаго Самообразованія

КОСТЮМЪ

ц. 3 р. 50 к.

Продолжается подписка на
1911 годъ
на ЖУРНАЛЪ

„Театръ и Искусство“

ПЯТНАДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ:

52 №№ еженедѣльнаго
иллюстрир. жур-
нала (свыше 1000 иллюстрацій).

12 ЕЖЕМЪСЯЧНЫХЪ КНИГЪ
«Библиотеки Театра и Искус-
ства», въ которыхъ будутъ помѣщены:
беллетристика, научно-популярныя и
критическія статьи и т. д., около

**20 НОВЫХЪ РЕПЕРТУАР-
НЫХЪ ПЬЕСЪ,**

10 пьесъ основного репертуара
любительскихъ спектаклей,

„ЭСТРАДА“, сборникъ стихо-
твореній, раз-
сказовъ, монологовъ, и т. п. съ особой
нумераціей страницъ,

Научныя приложенія
съ особой нумераціей. Въ первую оче-
редь намѣченъ капитальный трудъ проф.
Р. Гессена «Техническіе приемы
драмы», въ перев. В. Сладкопѣ-
цева.

Подписная цѣна на годъ 7 р.

Допускается рассрочка: **3 р.** при под-
пискѣ и по **2 р.**—къ 1 апрѣля и къ
1 июня. За границу **10 р.**

На полгода 4 р. (съ 1 января по
30-е июня). За границу **6 р.** Отдѣльные
№№ по **20 к.**

АДРЕСНЫЙ ЛИСТОКЪ

ИМЯ, ОТЧЕСТВО, ФАМИЛІЯ, АМПУА
И АДРЕСЪ

Однократное помѣщеніе—35 к., четырех-
кратное—одинъ рубль. Можно поч. марками.

БИЧУРИНЪ-АРДИ (люб.-невраст.). Киевъ,
Крестовый пер., 3.

ВЛАСОВА Марія Федор. (комич., драм., ха-
ракт., старуха), Спб., Петер. Ст., Малый пр.,
57, кв. 11.

ГАЛИЦЫНА, Габріель Виктор. (grand dame,
комич. и др. старухъ). Одесса, Кобелевская,
№ 9, кв. 21.

ЗИНЧЕНКО, Лидія Львовна (драм. и старухъ—
русс. и малор.). Спб. Садовая, 53, кор. 7,
комн. 11.

ЗИНЧЕНКО, Лид. Льв. (приним. заказы и
театр. костюмы). Спб. Садовая, 53, кор. 7,
комн. 11.

ОБОЛЪЯНИНОВЪ А. В. (устроитель концер-
товъ). Москва, Тверская, 29.

Поступила въ продажу новая пьеса

Евгенія АДАМОВА

„ФЕЯ“.

Лѣтняя фантазія въ 1 дѣйствіи. Цѣна
50 к. Разрѣшена безусловно „Правит.
Вѣсти.“ № 31. 4—2

Контора жур. „Театръ и Искусство“.

РОЯЛИ

ШАНИНО

Я. БЕККЕРЪ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ, Морская, 35.

КАТАЛОГИ: № 15 ПО ВОСТРЕБОВАНІЮ.

Театры Спб. Городского Попечительства о народной трезвости.

ТЕАТРЪ НАРОДНАГО
ДОМА

ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ II.

Въ Воскресенье, 6-го марта въ 12½ ч. дня: „РУСАЛКА“; въ 4¼ ч. д.: „ВАНЬКА ВЪЛЮЧ-
НИКЪ“; въ 8 ч. веч.: „ТРАВИАТА“.—7-го: „АННА КАРЕНИНА“.—8-го: „БОРИСЪ ГО-
ДУНОВЪ“.—9-го: „СИНЯЯ ПТИЦА“ и симфон. концертъ.—10-го: „ТУРЕНОТЫ“.—11-го
съ участ. Фиглера: „РОМЕО И ДЖУЛЬЕТТА“.

Василеостровск.

Въ Воскресенье, 6-го марта: „ДВОРЯНСКОЕ ГНѢЗДО“.—10-го: Въ
1-й разъ: „ЗИМНІЙ СОНЪ“.

Стеклянный (Общ. развл.).

Въ Воскресенье, 6-го марта: „ВО ИМЯ РЕБЕНКА“.—
10-го: „ГОРЬ ОТЪ УМА“.

НОВАЯ ИТАЛЬЯНСКАЯ ОПЕРА

въ Большомъ залѣ Консерваторіи. Дирекція И. П. Артемьевъ.

ПЕРВОКЛАССНЫЙ СОСТАВЪ!! ДОСТУПНЫЯ ЦѢНЫ!!

РЕПЕРТУАРЪ:

6-го марта—„Фаустъ“; 7-го—„Тоска“; 8-го—„Аида“; 9-го—„Тоска“.

Главн. капельм. *Гастано Баваньоли*.

Гл. реж. *Д. А. Друа*.

Видеты на всѣ эти спектак. продаются въ Центр. театр. кассъ (Новскій, 23) съж. отъ 10 ч. у. до 8 ч.
веч. и въ кассъ театра Консерваторіи отъ 11 ч. у. до 7 ч. в.

Гл. адмип. *Б. Н. Киселевичъ*.

Литейн.,
51.

ЛИТЕЙНЫЙ ТЕАТРЪ

Телеф
112-75.

во время 2-й и 3-й недѣли Великаго поста.

Только 12 гастролей

Роберта АДЕЛЬГЕЙМЪ

СЪ СОВСТВЕННОЙ ТРУППОЙ.

РЕПЕРТУАРЪ: 6-го Марта, „Назнь“ др. въ 4-хъ д. соч. Гр. Ге. Годда—Робертъ
Адельгеймъ. Въ 1-мъ и 4-мъ актѣ исполн. **вокальные номера**. 7-го: Въ бенефисъ
Роберта Адельгейма. „Кинъ“ ком. въ 4-хъ дѣйств. А. Дюма, пер. П. Вейнберга.
Кинъ—Робертъ Адельгеймъ. 8-го Марта, „Гамлетъ“ траг. въ 9-ти карт. Шекспира,
пер. Н. А. Полевого. Гамлетъ—Робертъ Адельгеймъ. 9-го: „Назнь“ др. въ 4-хъ д.
соч. Гр. Ге. Годда—Робертъ Адельгеймъ. Въ 1-мъ и 4-мъ актѣ исп. **вокальные но-
мера**. 10-го: „Уриэль Акоста“. Траг. въ 5-ти дѣйств., пер. Д. Мансфельда. Ури-
эль—Робертъ Адельгеймъ. 11-го: **Прощальный спектакль** „Назнь“ др. въ 4-хъ д.,
соч. Гр. Ге. Годда—Робертъ Адельгеймъ. Въ 1-мъ и 4-мъ актѣ исполн. **вокаль-
ные номера**.

Билеты продаются въ кассъ Литейнаго театра, съ Пятницы, 18-го Февраля (Ли-
тейный, 51, тел. 112—75).

НАЧАЛО въ 8 час. веч.

Упр. П. А. Романовъ. Адм. А. Г. Задонцевъ.

Плата за храненіе верхняго платья 10 коп. съ персоны.

ВСЕ ДЛЯ СЦЕНЫ!

Первое на югѣ Россіи Художественно-декоративное ателье **М. Б. БАСОВСКАГО**.

Одесса, Ришельевская, 68.

Контора: Греческая, 7.

Наготовляетъ немедленно и по самымъ доступнымъ цѣнамъ: декорацию, обстановку, бута-
форію, полное оборудованіе сцены по послѣднему слову театральн. техники.

**Особо дешевыя смѣты для народныхъ театровъ, клубовъ
и аудиторій.**

При требованіи смѣтъ, просимъ высылать подробный развѣръ сцены.

ВЫРѢЗАЙТЕ НА ПАМЯТЬ—ПРИГОДИТСЯ!

Театръ и искусство.

№ 10. — 1911 г.

СОДЕРЖАНИЕ:

О драматической цензурѣ.—Замѣтка.—Хроника.—Маленькая хроника.—Письма въ редакцію.—Крѣпостной театрѣ. V. Н. Нейоревъ.—Драмы театра. Виктора Рышкова.—Московскія письма. Эм. Бескина.—Театральныя замѣтки. А. Кузеля.—По провинціи.—Итоги сезона.—Сдача театровъ и ангажементы.—Провинціальная лѣтопись.—Объявленія.

Рисунки и портреты: † А. В. Вержбиловичъ (2 портр.), Я. Быховецъ-Самаринъ, Сцена въ крѣпостномъ театрѣ, Роб. Адельгеймъ въ „Кинѣ“, Васса Желѣзнова (2 рис.), „У жизни въ лапахъ“ (3 рис.), Выставка союза русск. художниковъ, Бернштейнъ (шаржъ).

С.-Петербургъ, 6-ю марта 1911 года.

Въ сумбурной рѣчи г. Пуришкевича въ Государственной Думѣ заключается, однако, одно весьма цѣнное и правильное указаніе—относительно крайне ограниченнаго штата драматической цензуры и слишкомъ скромнаго содержанія, которое получаютъ цензора. Совершенно справедливо, что нельзя жить по штатамъ 1865 г. въ 1911 г. Какъ о курьезѣ, нельзя не упомянуть о томъ, что эти, 46 лѣтъ существующіе, штаты именуются „временными“. Количество работы, выпадающее на цензоровъ, чрезмѣрно велико, и едва-ли, зная фактическую обстановку дѣла, можно упрекать драматическую цензуру въ медленности.

Бывшій цензоръ г. Ламкертъ настойчиво проводилъ тотъ взглядъ, что драматическая цензура должна принимать пьесы только отъ театровъ, а не отъ частныхъ лицъ, такъ какъ пьесы цензуруются для того, чтобы ихъ играли. Взглядъ этотъ теоретически совершенно правиленъ, но практически, при централизаціи цензуры, и въ то же время большой децентрализаціи театра въ провинціи, фактически неосуществимъ. Онъ все равно приведетъ къ учрежденію коммисіонной операціи по представленію пьесъ въ цензуру, и которая пьеса подлинно сдана въ цензуру театромъ, а которая сдана фиктивно—опредѣлить будетъ трудно и едва-ли даже возможно. Еще менѣе можно рекомендовать обложеніе поактнымъ сборомъ пьесъ, представляемыхъ въ цензуру. Даже гербовый сборъ съ пьесы, представляемой въ цензуру, представляетъ немалую несправедливость. Въдѣ цензура существуетъ не вслѣдствіе прихоти и настойчиваго, страстнаго желанія театровъ и авторовъ, а потому, что это нужно—представляется нужнымъ—власти, правительству. Это не искова претензія и не ходатайство, отвѣчающее какимъ-то интересамъ театра или автора. Поэтому и гербоваго сбора быть не должно. Власть дѣлаетъ для себя какое-то дѣло, а не для театра. Поактный сборъ—просто новое обложеніе театра; легче будетъ цензорамъ, но труднѣе театру. Что же касается мнимаго вреда отъ того, что цензуруются бездарныя пьесы, то въдѣ бѣда не отъ того, что на бездарной пьесѣ штемпель цензуры, а отъ того, что бездарную пьесу играютъ. Лежать же мирно въ ящикѣ со штемпелемъ цензуры всякая пьеса можетъ безъ всякой опасности для поврежденія вкусовъ.

Резюмируя вкратцѣ вопросъ, должно сказать одно: пока драматическая цензура существуетъ и признается „благодѣтельнымъ учрежденіемъ“, ея штатъ слѣдуетъ преобразовать въ соотвѣтствіи съ потребностями, а оклады цензорамъ увеличить, дабы они могли, не разбрасываясь, сосредоточить все свое вниманіе на дѣлѣ, которое имъ поручено. Противъ

этого театр ничего имѣть не можетъ, а за—могъ бы сказать многое.

Иностранные авторы, а еще болѣе, издатели ликуютъ: заключеніе конвенціи теперь де уже несомнѣнно и должно наступить въ самомъ непродолжительномъ времени.

Какія печальныя послѣдствія для искусства и литературы мы предвидимъ! Вотъ, напримѣръ, предъ нами послѣдняя книга сборника „Знаніе“, въ которой напечатана пьеса Кнута Гамсуна „У жизни въ лапахъ“. Конвенціи еще нѣтъ,—замѣтьте. Но „Знаніе“ поторопилось, дабы за мѣсяць какой-нибудь или на два „упредить“ конкурентовъ. Поторопился и Художественный театр. На пьесѣ значится: „Переводъ Р. Тираспольской съ рукописи, единственный разрѣшенный авторомъ и принятый московскимъ Художественнымъ театромъ“.

Прекрасная рекомендація, не правда ли? Фирма „Знаніе“—почтенная фирма. Фирма Художественнаго театра—препочтенная фирма. Но переводъ прямо плохой. Онъ не только тяжель и неуклюжь, но мѣстами просто неграмотенъ. Что сказать, напримѣръ, про такую фразу: „А развѣ лейтенантъ не тамъ? Нѣтъ, онъ тамъ. Но ты въдѣ знаешь, что тамъ, гдѣ онъ, тамъ для меня пустое мѣсто“. Настоящій „там-тамъ“... „Я не видала большой чести въ томъ, чтобы быть глупой“... „Я съ этими деньгами сдѣлала доброе дѣло“. „Ну, онъ-то нашелъ, что это все равно, что выбросить ихъ въ море. Но я не увѣрена, что онъ въ этомъ правъ“. „Какая ты чистокровная во всѣхъ отношеніяхъ“. „Всѣ недостатки склоняются въ противоположную сторону“.

Выписки сдѣланы изъ 2 страницъ—первыя попавшіяся. Въ книжкахъ „Знанія“ такого дурнаго языка еще не встрѣчалось. Московскій Художественный театръ такимъ неуклюжимъ языкомъ еще не говорилъ... Но это „единственный“ переводъ, разрѣшенный авторомъ. Достаточно фикции монопольнаго перевода для того, чтобы первоклассныя фирмы поставили свой бланкъ на такомъ переводѣ. И можно себѣ представить, сколько такихъ „единственныхъ“ переводовъ появится, когда монополія будетъ ограждена по всѣмъ правиламъ закона...

О, ревнители русской словесности, мнящіе себя націоналистами и добившіеся принятія закона объ авторскомъ правѣ—какъ вамъ будетъ стыдно, если вы умѣете стыдиться.

Отъ конторы:

Въ виду приближенія срока **второго взноса** (1-го апрѣля), контора проситъ гг. подписчиковъ въ разсрочку поторопиться внесеніемъ такового, во избѣжаніе перерыва въ высылкѣ журнала.

За перемѣну адреса гор. на гор. и иног. на иног. взимается 25 к., гор. на иног. и обратно—60 к. (можно марками).

При высылкѣ взноса и заявленія о перемѣнѣ адреса необходимо указывать № бандероли, подъ которымъ высылается журналъ.

ХРОНИКА.

Слухи и вѣсти.

— Пьеса Гамсуна „Во власти жизни“, назначенная ближайшей премьерой въ Александринскомъ театрѣ, снята съ репертуара и перенесена на осень.

— Дирекція Императорскихъ театровъ заключила новый контрактъ съ балериной Т. П. Карсавиной на 3 года. Окладъ 6, 7 и 8 тысячъ въ годъ. До сихъ поръ г-жа Карсавина получала всего 3600 руб. въ годъ. Съ 15 марта по 1-е мая г-жа Карсавина получила отпускъ за границу.

— Изъ 104 пѣвцовъ, участвовавшихъ на пробѣ голосовъ въ Маріинскомъ театрѣ, только двумъ данъ дебютъ—г-жѣ Ризѣ Нордштремъ (выступить въ „Зигфридѣ“) и баритону Давгонадзе (выступить въ „Демонѣ“).

— Г-номъ градоначальникомъ воспрещено подвѣдомственнымъ ему чинамъ пользоваться бесплатными билетами на мѣста въ театрахъ, кинематографахъ и другихъ увеселительныхъ заведеніяхъ. При этомъ г. градоначальникомъ разъяснено, что бесплатными мѣстами въ частныхъ театрахъ и другихъ увеселительныхъ заведеніяхъ могутъ пользоваться только тѣ изъ чиновъ полиціи, для которыхъ имѣются особыя служебныя мѣста.

— Часть репертуара на будущій сезонъ въ Маринскомъ театрѣ уже выяснилась. Намѣчены пока пять оперы: „Морякскиталецъ“ Вагнера, „Хованщина“ Мусоргскаго, „Мадамъ Ботгерфлей“, „Скупой Рыцарь“ Рахманинова и „Орфей и Эвридика“.

— Артистъ Нового драматическаго театра г. Александровскій принятъ, по словамъ газетъ, въ московскій Малый театр.

— Въ театрѣ Литерат.-Худож. Общества 28 февраля днемъ состоялся закрытый дебютъ артистовъ Нового драматическаго театра г-жи Раевской и г. Рыбникова; оба дебютанта выступили во второмъ дѣйстви пьесы Бернштейна „Воръ“.

— 26 февраля въ особомъ совѣщаніи городской управы постановлено продолжить контрактъ съ нынѣшнимъ арендаторомъ Зоологическаго сада С. Н. Новиковымъ еще на 9 лѣтъ съ платою по 20 тысячъ рублей въ годъ.

— Арендаторъ сада Эденъ К. К. Взумвильдъ, какъ говорятъ, порѣшилъ въ предстоящемъ лѣтнемъ сезонѣ драматическую труппу не держать, замѣнивъ ее опереточною.

— 10 марта въ Литейномъ театрѣ будетъ отпразднованъ 50-лѣтній юбилей сценич. дѣятельности А. П. Кальвера. Пойдетъ „Уриель Акоста“ съ любезно уступившимъ одинъ изъ своихъ гастрольныхъ спектаклей для этого юбилея Р. Л. Адельгеймъ въ заглавной роли. Юбиларъ выступитъ въ роли Бенъ Акибы. Желавшіе почтить юбиляра привѣтствіями, подарками и пр. благоволятъ направлять таковыя по слѣдующему адресу: С.-Петербургъ, Литейный театръ, распорядительной комиссіи по устройству юбилея.

— Выѣхало товарищество бывшихъ артистовъ Нового Драматическаго театра въ составѣ гг. Феона, Лебединскаго, Хандамирова, Сассъ-Тисовскаго, Маралудина и др. Товарищество посѣтитъ города Западнаго Края; въ репертуаръ вошли „Gaudeamus“, „Самсонъ и Далила“, „Дни нашей жизни“, „Весеннее безуміе“. Поѣздка продолжится до Пасхи.

— Д. Х. Южинъ съ Өоминой недѣли устраиваетъ поѣздку по волжскимъ городамъ съ артистами московскаго Большого и пѣтербургскаго Маринскаго театровъ, а также хора и оркестра Большого театра. Въ репертуаръ поѣздки войдутъ всего 4—5 оперы.

— Объявился еще одинъ Казанскій... Нѣкій „господинъ“, назвавшись Казанскимъ, совершаетъ въ настоящее время поѣздку по Западному Краю подъ фирмой Казанскаго, съ репертуаромъ Казанскаго и... съ труппой Казанскаго. На афишахъ перечислены всѣ главные персонажи Литейнаго театра, а они между тѣмъ, преспокойно пребываютъ въ Петербургѣ.

— Поѣздка г. Воярскаго, продолжавшаяся около пяти мѣсяцевъ, закончилась съ убыткомъ. Репертуаръ велся исключительно опереточный.

— Труппа г-жи Барковской, ѣздившая на Ирбитскую ярмарку, за мѣсяцъ и 5 дней дала 34 спектакля. Валовой сборъ около 9 тысячъ рублей. Антреприза заработала.

— Театры въ Шуваловѣ и Озеркахъ сняты на предстоящій лѣтній сезонъ Н. А. Горскимъ и г. Сидоровымъ.

— Въ труппу М. К. Гренъ (лѣтній сезонъ въ Лугѣ) подписали: М. А. Юрѣва; гг. М. А. Бецкій, В. М. Вронскій и П. А. Лебединскій.

— Изъ Берлина телеграфируютъ отъ 4 марта: „Сегодня скончался на 85 году извѣстный артистъ Фридрихъ Гаазе“.

— Изъ Парижа сообщаютъ, что знаменитая опереточная артистка Анна Жюдикъ находится при смерти.

фондъ Коммиссаржевской.

Въ Бюро въ фондъ уаковѣченія памяти В. Ф. Коммиссаржевской поступило: отъ г. Вривича—съ „Утра“, устроеннаго Новымъ Драм. театромъ въ Спб., 550 р., отъ М. Ф. Вагрова и его одесской труппы 74 р., отъ редакціи газ. „Кіевская Мысль“, полученные отъ О-ва Иск. и Литературы въ Кіевѣ 115 р. 32 к. и отъ К. П. 2 р. Съ прежде поступившими всего—1178 р. 26 к.

Московскія вѣсти.

— Въ бюро. Сформированы три оперныя труппы. Одна—г. Федорова, выѣхала на постъ въ Казань. Въ составъ вошли: г-жи Асланова, Окунева, Ломинская, Доленко, Добржанская, гг. Борисенко, Саяновъ, Леонидовъ, Модестовъ, Гиляровъ. Въ качествѣ гастролеровъ приглашены: г-жа Ванъ-Брантъ, г. Шевелевъ и Шуваловъ.

Вторая оперная труппа, гг. Альтулера и Шейна, на постъ выѣхала въ Воронежъ, въ составъ вошли: г-жи Нѣгина, Соболева, Лепина, Ковелькова; гг. Селявинъ, Черновъ, Соколовскій Цесевичъ и др.

Третья сформирована на постъ и Пасху для Симбирска. Въ составъ вошли: г-жи Бѣльская, Богатикова; гг. Костяковъ,

Шатоваловъ, Эрнстъ и др. Во главѣ дѣла стоитъ мѣстный земскій дѣятель Никигинъ, организовавшій въ Симбирскѣ музыкальное общество.

Антрепренеръ г. Семченко пригласилъ на два мѣсяца г-жу Карелину-Раичъ, съ которой онъ устраиваетъ рядъ гастролей въ Харьковѣ, Полтавѣ, Елисаветградѣ, Одессѣ, Кременчугѣ. Въ составъ труппы гастрольной поѣздки войдутъ артисты театра Корша: гг. Горяиновъ, Смирновъ, Абловъ и др.

— В. В. Максимовъ, артистъ театра Незлобина, подписалъ контрактъ въ Малый театръ. Контрактъ подписанъ на три года по 4000 руб. въ годъ.

— Въ Маломъ театрѣ новинка „Каштелянскій медъ“ польскаго писателя Крашевскаго имѣла слабый успѣхъ.

— У Корша великопостный сезонъ открытъ пьесой Гордина „Убой“, имѣвшей хорошій успѣхъ. Слѣдующая новинка—„Самсонъ и Далила“.

— У Незлобина вторая недѣля прѣшла безъ новинокъ („Орленокъ“ и „Обнаженная“). На третьей недѣлѣ ставятъ „Перваго винокура“ Л. Н. Толстого съ „Краснымъ кабачкомъ“ Юр. Вѣлчева. Во второй половинѣ пѣсга ставятъ „Маргариту Готье“ съ Е. Н. Рошиной-Инсаровой.

— Гастроли „Кривого Зеркала“ въ театрѣ „Эрмитажъ“ начались съ 28 февраля. Первые два спектакля пропли съ аншлагомъ. Наилушій успѣхъ имѣли „Кинематографъ“, „Кантата“, „Около балета“ и „Четверо“.

* * *

† А. В. Вержиловичъ. 2-го марта въ 2 часа дня у себя на квартирѣ скончался, послѣ продолжительной и тяжелой болѣзни, солистъ Его Величества, ординарный профессоръ 1-й степени с.-петербургской Консерваторіи Александръ Валеріановичъ Вержбиловскій.

А. В. родился въ Петербургѣ, 27 декабря 1849 г. Научное образование получилъ въ училищѣ св. Анны. По окончаніи курса (въ 69 г.), онъ поступилъ въ Петербургскую консерваторію, въ классъ Давыдова. подъ руководствомъ котораго развился и окрѣпъ музыкальный талантъ молодого виртуоза. Въ 1871 г. А. В. окончилъ консерваторію съ отличіемъ и былъ награжденъ большою серебряною медалью за оказанные имъ блестящіе успѣхи. Въ 1877 году по выдержаніи конкурснаго испытанія, онъ поступилъ въ оркестръ италянскон оперы (въ бывшемъ Большомъ театрѣ), замѣнивъ въ немъ мѣсто Давыдова. Въ 85 г. А. В. былъ приглашенъ въ здѣшнюю консерваторію, профессоромъ которой онъ состоялъ до послѣднихъ дней.

Въ бытность свою въ Консерваторіи за отлично-усердную службу покойный былъ награжденъ орденами: св. Анны 3-й и 2-й ст. и св. Станислава 2-й степени.

Въ апрѣлѣ 1898 года А. В. было пожаловано званіе солиста Его Императорскаго Величества.

Изъ класса А. В. вышло не мало хорошихъ виолончелистовъ, составившихъ себѣ имя въ артистическомъ или педагогическомъ мѣрѣ. Концертная дѣятельность А. В. чрезвычайно обширна и разностороння. Онъ участвовалъ, въ качествѣ квартетиста, во всѣхъ собраніяхъ „Петербургскаго Общества концертныхъ собраній“ съ самаго его основанія и за свою выдающуюся дѣятельность избранъ почетнымъ членомъ этого общества; онъ, въ продолженіе многихъ лѣтъ, игралъ въ квартетныхъ собраніяхъ Русск. музык. общества. Въ Петербургѣ А. В. концертировалъ сравнительно мало, если не считать его случайныхъ поѣздокъ въ Москву, въ Крымъ и на Кавказъ. Изъ европейскихъ городовъ онъ посѣтилъ только Парижъ (въ 93 г.), участвуя въ тамошнихъ concertes populaires, подъ управленіемъ А. Г. Рубинштейна, и Вѣну, гдѣ онъ игралъ въ нѣсколькихъ музыкальных „ферейнахъ“. Въ 90 г. онъ совершилъ поѣздку въ Константинополь, гдѣ игралъ вмѣстѣ съ г. Цабелемъ въ присутствіи султана, наградившаго его орденомъ.

* * *

† В. А. Стрѣльскій (Клименко). 12-го февраля въ Иркутскѣ умеръ одинъ изъ старѣйшихъ дѣятелей сцены артистъ Василий Александровичъ Стрѣльскій (Клименко) на 94-мъ году жизни, прослуживъ на сценѣ болѣе 56 лѣтъ. Покойный родился въ Сумахъ въ 1818 году и происходилъ изъ купеческой семьи. 23-хъ лѣтъ поступилъ онъ въ труппу въ Харьковѣ, подъ фамиліей Стрѣльскаго, на выходныя и маленькія роли. Въ теченіи трехъ лѣтъ молодой артистъ, благодаря своему крупному дарованію, значительно выдвинулся изъ среды своихъ товарищей и уже въ 1846 году былъ приглашенъ въ Псковъ на первыя роли любовниковъ. Послѣ Пскова В. А. служилъ въ Твери, Ярославлѣ, Калугѣ, Рыбинскѣ и многихъ другихъ городахъ въ средней Россіи. В. А. перекочевалъ потомъ на Югъ и подвизался исключительно на Югѣ, служилъ въ Курскѣ, въ Харьковѣ у Щербини. въ Кіевѣ въ дирекціи. Въ 1862 и 1863 годахъ служилъ въ Одессѣ у Фолетти, затѣмъ служилъ въ Харьковѣ у Дюкова. Въ 1864 году В. А. перешелъ на ампула комиковъ и вездѣ пользовался большимъ успѣхомъ. Въ началѣ 70-хъ годовъ антрепренерствовалъ съ Мерцемъ въ Черниговѣ, въ Ромнахъ, Луб-

нахъ и Сумахъ въ теченіе 5-ти лѣтъ. Затѣмъ служилъ режиссеромъ въ Екатеринославѣ у Медвѣдовой, режиссеромъ подъ рядъ нѣсколько лѣтъ въ Кіевѣ у Савина, въ Харьковѣ режиссеромъ у Дюкова. Въ 1881 антрепренерствовалъ въ Вологдѣ. Въ 1883 году служилъ во Владивостокѣ и Тифлисѣ; въ 1884 году послѣ Надлера держалъ труппу въ Ташкентѣ. Въ 1885 году переѣхалъ въ Сибирь. Онъ былъ такъ сказать театральнымъ піонеромъ на Дальнемъ Востокѣ. До него ни одной драматической труппы еще не бывало ни въ Благовѣщенскѣ, ни въ Хабаровскѣ, ни во Владивостокѣ. Въ 1897 г. В. А. переѣхалъ въ Иркутскъ, оставивъ по старости сцену и жилъ на покой у дочери.

Подъ руководствомъ покойнаго артиста, подъ его режиссерствомъ начинали свою театральную дѣятельность многіе крупные сценическіе дѣятели: бывшій иркутскій антрепренеръ А. А. Кравченко, Я. Н. Минский, находящійся нынѣ въ убѣжищѣ, покойный Ф. И. Горевъ, начавшій свою сценическую дѣятельность въ Черниговѣ въ антрепризѣ В. А. Стрѣльскаго, и многіе другіе. Миръ праху твоему, честный труженикъ, прослужившій любимому искусству болѣе полувѣка. *М. Шаангъ.*

* * *

„Зимній Буффъ“. Знаете лѣди Макбетъ? Такъ эта еще хуже—купеческая вдова Васса Желѣзнова. Хорошо еще, что г-жа Горская играетъ ее въ упрощенныхъ, пониженныхъ тонахъ, въ родѣ какой-нибудь хозяйственной матери-игуменны, внѣ авторскаго замысла. Иначе—не стерпѣть бы: такая злодѣйка, а на свободѣ ходитъ. Да еще со спокойной совѣстью садъ разводитъ. Не простой садъ, но символическій, дѣтскій садъ, специально для внучатъ. Дескать, съ никчемными сыновьями и сродственниками расправилась,—денежки подлогомъ приобрѣла—теперь внучатъ буду нянчить. Ихъ еще нѣту, но они будутъ, объ этомъ Васса постарается. Она убиваетъ, она и рождаетъ—не символъ-ли Времени, рождающаго и пожирающаго собственныхъ дѣтей? Но если символъ, то добьется до него черезъ непреходимую толщу скучныхъ бытовыхъ мелочей, черезъ нагроможденное безъ нужды уродство, черезъ ненужные мелодраматическіе эффекты—прямо таки невозможно. Для бытовыхъ пьесъ—много шума и уловщины. Сцена—не камера судебного слѣдователя, и Макбетъ или пьесы по-проше важны не уголовнымъ элементомъ, но вѣчнымъ разладомъ духа и матеріи, морали и воли, низменнаго и возвышеннаго... Этого конфликта не показано М. Горькимъ. Онъ отдѣлался отъ Вассы двумя-тремя фразами, припадкомъ удущья, слишкомъ просто, мимоходомъ, въ антрактѣ между уголовнымъ повѣствованіемъ Вассы. Она говоритъ о внучатахъ, а ей не вѣришь ни на грошъ, ибо мало словъ, надо показать „дѣйствіе“, создать настроеніе. Горькій такой мѣткій творецъ афоризмовъ, простыхъ, грубыхъ и сильныхъ, неожиданныхъ: „Толстая, а хитрая“, „слезами портянку не вымоешь“, „неожиданный отецъ“... Этотъ „неожиданный отецъ“—Прохоръ Желѣзновъ—мнѣ представляется единственнымъ живымъ и значительнымъ лицомъ пьесы. Ну, да и сдѣлалъ же его—талантливый г. Апександровскій! Конечно, смерть отъ павлова кулака—немного смѣшна, придумана, какъ и вся эта сцена съ постриженіемъ въ монахи уroda Павла Желѣзнова. Но въ этой коротенькой сценѣ воспоминаній „неожиданнаго отца“ о своемъ незаконнорожденномъ сынѣ-студентѣ—яркая картинка, живое дуновение духа творческаго, носившагося надъ бездной мелодрамы... Ждешь пріѣзда „неожиданнаго сына“ и новой, загорѣвшейся красками, жизни въ желѣзновскомъ домѣ. А вмѣсто того—дослушиваешь мелодраму, съ новымъ, впрочемъ, концомъ—разведеніе уголовной преступницей дѣтскихъ садовъ... Въ пьесѣ почти всѣ—не живыя лица, хотя метанья у нихъ хоть отбавляй. Исключеніе: Прохоръ (Александровскій), Семень (Стефановъ), Наталья (Миропольская). И прямо жалъ г. Неволина, очень удачно изображающаго урода Павла и г-жу Садовскую (нѣсколько манерную Людмилу)—никому не интересна ихъ драма, явно сочиненная. Что было дѣлать хорошему актеру г. Аркадѣву, осужденному на роль полубезмолвнаго домашняго палача Михайлы, собственными руками удущивающаго все неумирающаго Прохора.

Но больше всего—не было самой Вассы, властной лѣди Макбетъ, распоряжающейся загробными судьбами своего дома.—А безъ капельмейстера—какъ музыкѣ идти? Впрочемъ, какъ ни садиться—концерта не выйдетъ...

Спектакль закончился инсценированнымъ разсказомъ А. Аверченко „Настоящіе парни“. Смѣялись. Я—убѣжденный врагъ инсценировочныхъ анекдотовъ на сценѣ.

Но и какъ анекдотъ, „Настоящіе парни“ должны быть исправлены—надо выбросить (въ окно или въ дверь) любовника Сержа. Онъ совсѣмъ ни къ чему. И мѣшаетъ, прежде всего—автору. Или вотъ развѣ—пріодѣть его и заставить появиться передъ мужемъ—со стороны входной двери. Иначе весь его ходъ—высосанный изъ пальца эффектъ. Г-жа Миропольская, Альбовъ, Дагмаровъ, Кузнецовъ и Райтъ разыгрываютъ анекдотъ непринужденно.

С. В.

* * *

Экзаменаціонные спектакли Императорскихъ драматическихъ курсовъ (классъ А. И. Долинова) въ Александринскомъ театрѣ. „Цѣна жизни“, В. И. Немировича-Данченко, пьеса съ двумя главными ролями, требующими отъ исполнителей исключительно глубокихъ и искреннихъ переживаній сильно драматическихъ положеній. Въ роли героини, Анны Демуриной мы увидѣли г-жу Никаръ, въ которой горитъ несомнѣнная божественная искра таланта; ея игра моментами захватываетъ зрителя; прибавьте къ этому красивую внѣшность, загорѣвшуюся глaza, стройную фигуру. Казалось-бы, чего еще желать, но... Ахъ, это досадное „но“. Въ г-жѣ Никаръ не видно какъ разъ школы. Монотонная бѣдная интонаціями рѣчь, дикція съ прорывающимся южно-русскимъ акцентомъ, захлебывающаяся скороговорка въ мѣстахъ душевнаго подъема, несвободный maintien, недостаточно яркая мимика—все это минусъ... Но я убѣжденъ, что если г-жа Никаръ попадетъ къ хорошему режиссеру—руководителю, ей впереди улыбается успѣхъ. Удивляюсь, какъ не указалъ преподаватель способному г. Лешкову, что слезливый тонъ не къ лицу роли Морского. Пріятно за то удивила г-жа Вѣтвеницкая, столь слабо игравшая въ Островскомъ и Чеховѣ на первомъ спектаклѣ, показавшая себя живой, искренней и задорной въ роли кокетничающей своей „интеллигентностью“ купеческой вдовушки Рисничевой. Мила и очаровательна по внѣшности въ роли дѣвочки подростка г-жа Шостаченко (но какъ можно было ученицѣ „образцовой“ школы давать пошлый, написанный стихотворнымъ языкомъ „родныхъ осинъ“, монологъ Мансфельда „Сонъ“!). Великолѣпно сыграла второстепенную роль горничной (особая заслуга, говорящая о любви къ дѣлу) г-жа Ростова. Гримъ костюмъ, манеры, языкъ—все было типично и наблюдательно схвачено изъ жизни. Эта ученица умѣетъ быть разнообразной; вчера сплетница мѣшанка, сегодня горничная, а завтра изящная англичаночка Миссъ Гоббсъ (въ пьесѣ Джерома К. Джерома)—вездѣ г-жа Ростова интересна и жизненна. У ней есть и юморъ, и кокетство. Въ роли Демурина („Цѣна жизни“) г. Сухаревъ игралъ старательно, мѣстами искренно, но въ общемъ тускло, причемъ неподходящій здѣсь „чумазый“ гримъ портилъ впечатлѣніе.

Въ „Электрѣ“, Гофмансталь выступила г-жа Чеканъ. У нея въ наличности несомнѣнный темпераментъ и способности, но и фигура, и лицо, и голосъ мало подходятъ для трагедіи. Г-жа Чеканъ даетъ моменты подъема, но въ игрѣ ея нѣтъ чувства мѣры и гармоніи, разнообразныя чувства выражаются однообразнымъ и крикливымъ повышеніемъ голоса. Въ позировкѣ и движеніяхъ много дѣланности... Исполненіе остальныхъ въ „Электрѣ“—„Фрейшютцъ“, разыгранный перстами робкихъ ученицъ“. Пьеску Джерома играли въ излишнемъ медленномъ темпѣ, оскущивали ее резонерствомъ, а въдѣ она у автора проникнута юморомъ.

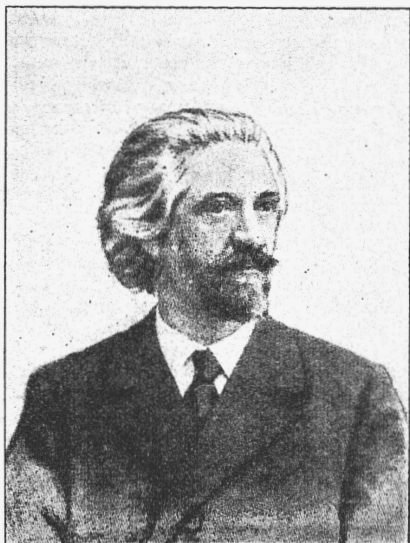
Кромѣ первенствовавшей по игрѣ г-жи Ростовской, можно похвалить за благородную простоту тона г. Ключковского (Персиваль Кингсеръ) и признать „удовлетворительнымъ“ г. Сухарева (Вольфъ Кингсеръ).

Н. Тамаринъ.

* * *

Народный Домъ Императора Николая II. День 19 февраля былъ прекрасно и свѣтло пмнать передъ народной аудиторіей. Гг. Сѣверцовъ Полилову и Шабельскому пришла счастливая мысль инсценировать крупныя моменты эволюціи идеи освобожденія въ Россіи. Двѣ послѣднія картины являюся оживленными историческими эпизодами эпохи великихъ реформъ Царя-Освободителя. На сценѣ—засѣданіе Верховной Комиссіи (артисты загримированы по портретамъ сотрудниковъ Александра II). Одинъ изъ авторовъ пьесы „19 февраля 1861 г.“, г. Шабельскій,—играетъ роль здравствующаго П. П. Семёнова-Тяньшанскаго, тогда еще юнаго Секретаря Комиссіи. Появляется князь (такъ стоитъ на программѣ), ч. тающій предугазанія Державнаго Брата своего о неотложности освобожденія крестьянъ „съ землею“. Великія святыя слова, прѣшествовавшая святому дѣлу, слушаются съ благоговѣніемъ и когда занавѣсъ падаетъ, публика восторженно отзывается на воскрешенную страницу зари освобожденія.

Но вотъ послѣдняя картина... Превосходная декорация г. Воробьева изображаетъ площадь Зимняго Дворца съ Александровскою колонной... Видъ на нее открывается изъ арки Главнаго Штаба, на первомъ планѣ площадь залита народомъ, который уже узналъ объ уничтоженіи рабства и гудитъ радостнымъ гуломъ, ожидая Государя-Освободителя. И вотъ, все громче разрастается, все приближается „ура“, звонятъ колокола и среди разступившейся толпы вѣзжаетъ и останавливается коляска, запряженная парой бѣлыхъ лошадей, въ сопровожденіи верхового казака. Въ коляскѣ—Генералъ въ каскѣ (по программѣ—другой князь). Онъ встаетъ и читаетъ, „по порученію Государя“, послѣднія слова незабвеннаго манифеста: „Осѣни себя крестнымъ знаменіемъ, православный народъ... И народъ въ зрительномъ залѣ понялъ, кого воскрешаетъ образъ Генерала въ коляскѣ, народъ вспомнилъ всѣмъ знакомую картину благодарнаго чествованія Освободителя освобожденными... И публика восторженно привѣтствовала и славila громкими

† А. В. Вержиловичъ.

кликами того, который зажегъ свѣточъ свободы народной надъ Русской землей. Клики „ура“, звуки гимна, въ оркестръ колокола: все это слилось въ одну грандіозную манифестацію; въ ней участвовали обѣ толпы: и на сценѣ, и въ зрительномъ залѣ... Также блестяще, послѣ описаннаго утренняго спектакля, поставленъ былъ и вечерній съ юбилейной пьесой А. А. Навроцкаго и концертомъ, посвященнымъ памяти великаго событія, завершившимся аллегорическимъ апофеозомъ—живой картиной.

И. Тамаринъ.

* * *

Гастроли виленской польской труппы. Можно не соглашаться съ духомъ такого театра, можно всѣ свои симпатіи отдавать уже другимъ устремленіямъ и исканьямъ въ театрѣ, но все-же нельзя отрицать, что польская труппа, которая у насъ гоститъ въ Екатерининскомъ театрѣ, являетъ собою настоящій театръ, такой, какимъ его понимало доброе старое время. Еще „смута“, исканій не коснувшись, и онъ имѣетъ, если хотите, „старомодную фizioномію“. Но свое дѣло онъ дѣлаетъ видимо съ вѣрою, съ серьезностью и потому пріятно смотрѣть эту труппу.

Пріятно даже въ такой пьесѣ ультра-театрального типа, костюмной, съ патристически-сентиментальнымъ сюжетомъ о жертвѣ на алтарь отечества, съ баломъ, обморокомъ, интригами и свиданіи при лунномъ свѣтѣ (который, кстати былъ „пущенъ“ весьма внезапно изъ кулисъ въ моментъ прихода Наполеона, пробравшагося къ спящей Вавеской), даже такая, въ сущности, немудрящая и слишкомъ затяжная исторія смотрѣлась съ большимъ вниманіемъ и напряженіемъ. Видимо было важно не „что“, а „какъ“. Актеры вѣрили въ свое „что“ и давали его, переживъ, обработавъ. Не было ни одного безучастнаго къ тому, что происходитъ, самаго мелкаго статиста. Зрители не скучали, потому что актерамъ самимъ не была скучна эта на весь вечеръ растянута исторія о томъ, какъ красавица Вавеская „не сдавалась“ и только къ концу пьесы сдалась ради Польши, влюбленному варвару-завоевателю, который для нея и для польскаго общества былъ лишь сильнымъ дикимъ вепромъ, ворвавшимся въ ихъ изящное, культурное по своему существованію.

Очень интересное толкованіе Наполеона далъ г. Шиманскій. Онъ освѣтилъ его чрезвычайно своеобразно, показалъ новую грань этой замѣчательной личности. „Грубый корсиканецъ“, страстный, пламенный, который ничего и никого не видитъ и ни съ кѣмъ не считается, когда идетъ къ цѣли, большой или маленькой, таковъ и былъ Наполеонъ. Напряжение „дѣловой“ ночи было передано хорошо труппою. Игравшая Вавескую артистка была не только дѣйствительно красива, но и дѣйствительно молода, отъ чего мы такъ отвыкли на нашихъ сценахъ при „несмѣняемости“ нашихъ неувядаемыхъ. Свою трудную роль съ такимъ скрупулѣ словеснымъ матеріаломъ, роль пассивной угнетенной невинности, она сумѣла сдѣлать искренней, благородной и безъ малѣйшей слащавости. У нея хорошіе глаза, въ которыхъ много выраженія и души, но еще мало опытности въ умѣніи носить костюмъ.

Сильвіо.

* * *

Украинская труппа. 28-го февраля, въ театрѣ „Пассажъ“, открылись спектакли украинской труппы подъ управленіемъ извѣстнаго артиста, одного „изъ стаи славныхъ“, Н. К. Садовскаго.

Начали украинцы, по традиціи, классическими „Наталкою-Полтавкою“ и „По ревизіи“. На судъ публики предстали молодцы силы, дѣйствующіе уже четыре года „під орудою“ г. Садовскаго. „Неувядаемая“, „Нат.-Полтавка“... Успѣхъ ей обезпеченъ еще надолго, даже далеко внѣ полной зависимости отъ исполненія... Пожали лавры въ „неувядаемой“ и нынѣшніе наши гости. Но... невольный вздохъ рвется изъ груди. Постановка прекрасная, выучка строгая, а „основаніято и нѣтъ“,—какъ говорить Несчастливцевъ: яркихъ талантовъ нѣтъ...

Очень пышная, крупная, красавица-Наталка, г-жа Петляшъ. Милый и довольно сильный голосъ. Игра посредственная, при хорошихъ, однако, мимическихъ и вообще сценическихъ данныхъ.

Петро. Нѣжненькій, субтильненькій, юноша; сладенькій-сладенькій теноръ, италіанской школы. Сахаръ, медъ, сиропъ, патока. И играетъ—совершенно какъ италіанцы въ оперѣ. Это Ромео, Альфредъ, Ленскій, но ни въ коемъ случаѣ не Петро. Поетъ „сладко“, музыкально. Невольно бросается въ глаза полное несоотвѣтствіе Наталки и Петра, въ особенности, когда они стоятъ рядомъ.

Микола—г. Марьяненко. Слабо, зелено... Какъ вспомнишь, какъ игралъ, „Боже мой, какъ игралъ!“ Миколо самъ г. Садовскій, вотъ сейчасъ играющій Макогоненко! Разумѣется, великолѣпный это Макогоненко, но... вынужденный играть, за всѣхъ и потому—переигрывающій. Все время держитъ зрителя въ шорахъ, все на него, Садовскаго, глядишь, а онъ старается и даетъ, дѣйствительно, блестящій урокъ... мимики, жестикуляціи, дикціи. Этакое богатѣйше-выразительное лицо! Возный—г. Петлишенко. Ни одной интересной нотки въ голосѣ, ни слѣда индивидуальности. Обычнаго уровня Терпелиха—въ лицѣ г-жи Полянскій.

Много интереснѣе и выше исполненіе „По ревизіи“. Огромное эстетическое наслажденіе отъ старшины „старика“ г. Левикаго. Внѣ-шаблонный и тонко-наблюденный типъ; обнаглѣвшее и огуплѣвшее отъ власти и водки „начальство“. Очень правдоподобный писарь—г. Марьяненко; недурная рындычка; такой-же Гараська и... отчаянно, совсѣмъ не по деревенски, кокетливая и вертлявая Прыська г-жа М. Федорецъ,—вродѣ, должно быть, той псаломщицы, о которой рассказываетъ старшина: „велика моргуха“.

Украинскую сцену можно поздравить съ крупнымъ пріобрѣтеніемъ: благодаря Н. К. Садовскому, увидѣло, наконецъ, свѣтъ ramпы безсмертное и первое на украинскомъ языкѣ классическое произведеніе И. П. Котляревскаго: „Энеида“. Это—важная заслуга.

Г. Садовскій инсценировалъ „Энеиду“ съ присущими ему вкусомъ и умомъ, а маститый украинскій композиторъ Лисенко далъ ей музыкальную иллюстрацію, и получилась поистинѣ великолѣпная вещь: оригинально, ярко, свѣжо, искренно. Какое богатство голосовъ въ труппѣ Садовскаго! Какой могучій хоръ!

Исполнена „Энеида“ превосходно, даже со стороны технической: надо умудриться на бѣдной „пассажной“ сценѣ дать такіе интересные свѣтовые эффекты (Зевсъ, мячущій молніи, освѣщенія всего Олимпа). Хоры Лисенки до того хороши, колоритны и задушевные, что ихъ, несомнѣнно, ждетъ широкая популярность. Отмѣтимъ огромный успѣхъ, доставшійся прекраснѣйшимъ: г-жѣ Петляшъ (Дидона), г. Чорноморцу (Зевсъ), г. Верховинцу (Аполлонъ), г. Зайденко (Эней), чудесному Бахусу—Мироненко, хору и друг.

В. К—ій.

* * *

Литейный театр. Гастроли Роб. Адельгейма. Союзъ братьевъ разстроился, и на этотъ разъ гастролируетъ одинъ лишь Робертъ Адельгеймъ. Публика охотно посѣщаетъ театръ, не смотря на старый репертуаръ, а можетъ быть и благодаря этому. Открылись гастроли „Казню“. У Роб. Адельгейма роль Годды отдѣлана художественно, красочно.

Обычный успѣхъ и на этотъ разъ имѣли исполненные артистомъ шансонетка „Bivons sec“ и цѣлый рядъ чувствительныхъ романсовъ. Послѣ „Казни“ Р. Адельгеймъ выступилъ въ „Гамлетѣ“ и „Кинѣ“.

Въ исполненіи этихъ ролей есть неровности. Но это искупается чисто юношескимъ порывомъ, искренностью и теплою тоною, присущими игръ гастролера.

Какъ всегда, конечно, хорошее впечатлѣніе отъ игры гастролера расхолаживаютъ его болѣе, чѣмъ скромный антуражъ и совсѣмъ слабая постановка и обстановка.

Въ труппѣ г. Адельгейма (кстати сказать, играющей всѣ пьесы безъ суфлера) лишь двое опытныхъ актеровъ, гг. Поливановъ (хорошій Фроловъ въ „Казни“ и Соломонъ въ „Кинѣ“), и Георгіевскій (подвижной Пружановъ и недурный Полоній).

Въ женскомъ персоналѣ молодая начинающія силы. Роли героинь (Кетъ, Офелія, Анна Денби) въ рукахъ г-жи Трузе-Карениной. У молодой артистки много благихъ намереній, но слабыя голосовыя средства, однообразная фразировка, нѣтъ подъема и воодушевленія въ игрѣ.

Д. С.

* * *

Новая италіанская опера. Съ 28 февраля, въ театрѣ Консерваторіи открыла спектакли новзая италіанская опера, въ составъ которой вошли, большею частью, молодая силы—впервые выступающія у насъ въ Россіи. Для открытія спектаклей была дана „Аида“.

Если отбросить нѣкоторое волненіе, вполне понятное при первомъ выступленіи предъ неизвѣстной публикой, которое давало себя чувствовать какъ въ ансамбляхъ, такъ и въ отдѣльныхъ выступленіяхъ—спектакль оставилъ весьма благоприятное впечатлѣніе. Италіанцы не только хорошо пѣли, но и играли съ большимъ подъемомъ, что у нихъ бываетъ не всегда.

Среди участвующихъ есть артисты съ несомнѣнными выдающимися данными и съ богатѣйшимъ голосовымъ матеріаломъ, хотя-бы иной разъ и нуждающемся въ извѣстной обработкѣ. Общее вниманіе остановили на себѣ г-жа Рақанелли, выступившая въ партіи Аиды и г. Стабиле (Амонасро). Это лучшія силы и ихъ слѣдуетъ поставить на первое мѣсто.

Г-жа Рақанелли выступаетъ всего второй годъ, но въ смыслѣ тонкости передачи, постепенно развивающагося драматизма дѣйствія—она является совсѣмъ законченной артисткой, съ огромнымъ запасомъ темперамента. Если средній регистръ ея прекраснаго, съ большимъ діапазономъ, голоса не всегда ласкалъ слухъ своимъ тембромъ, если ея интонація, иной разъ, оставляла желать лучшаго—то ея игра очаровываетъ своею непосредственностью переживаній и заставляетъ забыть всѣ эти дефекты и съ вниманіемъ слѣдить за каждымъ ея движеніемъ. Артистка имѣла большой успѣхъ.

Прекраснаго партнера она имѣла въ лицѣ г. Стабиле, артиста обладающаго очень хорошимъ баритономъ. Мягкость и гибкость его голоса, съ сочнымъ, пріятнымъ звукомъ—безъ словъ говоритъ о прекрасномъ артистическомъ будущемъ его владѣльца. Дуэтъ Аиды и Амонасро, по дружному требованію публики, былъ повторенъ.

Очень хорошее впечатлѣніе оставилъ басъ г. Лученти въ партіи верховнаго жреца.

Обращала на себя вниманіе и г-жа Доріа, выступившая въ партіи Амнерисъ. Поразительная по чистотѣ интонація, безупречная игра, —къ сожалѣнію, парализовались мало-повиженностью голоса, верхній регистръ котораго мало удовлетворялъ въ смыслѣ тембра.

Въ общемъ весь спектакль прошелъ очень удачно и даже неудачное выступленіе тенора г. Маурини (Радамесъ) не разрушило общаго хорошаго впечатлѣнія.

Оркестръ былъ въ рукахъ опытнаго и энергичнаго капельмейстера г. Баваньоли и легко подчинялся его музыкальнымъ требованіямъ. Ансамбли и хоры были хорошо срететированы и исполненіе ихъ заслуживаетъ всяческой похвалы.

А. Ч.

* * *

Вѣнская оперетта. Опять появились вѣнцы со своими вальсами, задорнымъ смѣхомъ и искрящимся весельемъ! Устроились они въ „Паласъ-театръ“ и 28 февраля открыли сезонъ новинкой Лео Фалля „die Sirene“. Удивительно плодовитый композиторъ, ежегодно пишущій по нѣскольку опереттъ и притомъ веселыхъ, интересныхъ и мелодичныхъ. Правда, при такой продуктивности ему иногда приходится повторяться, а иногда и прямо „перепѣвать“ своихъ соотечественниковъ. Такими положительными и отрицательными качествами отличается и „Сирена“. Наполеоновская эпоха. Министръ полиціи, Фушэ организуетъ „отрядъ Цитеры“, взводъ очаровательныхъ женщинъ-шпіоновъ. Имъ поставлена задача найти виновника злыхъ памфлетовъ на Наполеона. Въ сильномъ подозрѣніи маркизъ де Равальякъ, но надо доказать его виновность. Удастся это сдѣлать деревенской простушкѣ Лолоттѣ, которая, сама того не зная, служитъ орудіемъ въ рукахъ хитраго Фушэ и способствуетъ его провокаціоннымъ планамъ. Равальякъ арестуютъ. Лолотта въ отчаяніи, такъ какъ уже успѣла полюбить маркиза. Въ отчаяніи и жена Фушэ, Кларисса, тоже влюбленная въ Равальяка. Но вся кутерьма кончается благополучно: Равальякъ получаетъ прощеніе и любящія сердца маркиза и Лолотты соединяются. Кларисса-же избираетъ своимъ кавалеромъ Малипотта, секретаря Фушэ.

Оперетта разыграна и спѣта съ бrio и неподдѣльнымъ весельемъ, на которое способны только вѣнцы. Старый любимецъ нашей публики Шпильманъ (Равальякъ) жизнерадостенъ попрежнему, хотя годы все-таки повліяли на его нѣкогда стройную фигуру.

Очаровательна Мицци Виртъ (Лолотта)—сколько задора и кокетства въ ея исполненіи, сколько граціи въ ея танцахъ!

А. В. Вержбиловичъ—въ концертѣ.

Съ громаднымъ успѣхомъ былъ проведенъ ею и г. Шпильманомъ дуэтъ 2-го дѣйствія (вальсъ-Caprice). Г-жа Анна Марбахъ хорошая лирическая пѣвица съ голосомъ и сценичною внѣшностью. Г. Штейнбергеръ попрежнему комиченъ, настоящимъ внутреннимъ комизмомъ, жаль только, что на его долю въ опереткѣ выпала незначительная эпизодическая роль.

Изъ другихъ исполнителей слѣдуетъ упомянуть г. Ланиндорфа—Фушэ и Ганзена (Малипоттъ). Хоры, оркестръ подъ управленіемъ г. Вилли Вольфа сыгрались и спѣлись, постановка и mise en scène красивая и осмысленная. Единственный минусъ оперетки—наличность драматическаго элемента—но видимо, это дань нарождающейся новой опереточной модѣ.

В. Мазуркевичъ.

* * *

Невскій Фарсъ. Можно сказать, этотъ еврейскій фарсъ „Теща или звѣрь“, сдѣланъ собственными силами, даже—боками гг. артистовъ. Посмотрите, какъ Вронскій, жизнерадостный Гриндахъ, переворачивается мячомъ, ровнымъ счетомъ двѣнадцать разъ. Мы видѣли тещу всякую—одной еврейской не доставало. И очень недурная теща—г-жа Ручьевская, типичная старая еврейка, самозабвенно устраивающая судьбу своей Саррочки, дамы красивой, но флегматичной (г-жа Эльская). Разведя дочь съ Гриндахомъ, Рейза выдаетъ ее за Гельзайта, еврея старика, безобразнаго, подобно 4-лѣтнему ребенку, всюду волоочащаго чуть-ли не по землѣ торчащій сзади огромный красный платокъ. Гриндахъ только что вернулся изъ-заграницы, женился на красивой молодой женщинѣ и вдругъ—такой трюкъ. А между тѣмъ, г. Смоляковъ и безъ того такой смѣшной еврей, что платокъ съ другими утированными аксессуарами можно бы спрятать въ карманъ. Рейза разводитъ Саррочку и со вторымъ мужемъ и выдаетъ ее за художника Мюрьмана. Повидимому, въ послѣдній разъ.

Въ еврейскомъ фарсѣ мало органическаго еврейскаго, если не считать акцента да живыхъ, энергичныхъ разговоровъ „съ руками“. Нѣтъ забавныхъ попоженій, бытовыхъ характеровъ, искрометныхъ словечекъ. Артисты стараются на совѣсть. Кромѣ перечисленныхъ выше лицъ, участвуютъ еще энергичная г-жа В. Линъ и Ольшанскій, на этотъ разъ довольно беззвѣтный художникъ.

Во второмъ фарсѣ, отлитомъ по опредѣленному шаблону—„Сѣлъ въ капусту“—(т. е. неудачно совралъ про автомобильную поѣздку), веселый г. Смоляковъ, изысканный и быстрый, не всегда, правда, искренній г. Вронскій, В. Линъ, смѣшной П. Николаевъ, живописная, но холодная г-жа Эльская и хорошо раздѣтая г-жа Сперанская, Разсудовъ-Кулябко, Анчарова и др.—создаютъ атмосферу если не подлиннаго веселья, то веселой сутолоки. Второй актъ, съ раздѣваніями и рискованными постельными положеніями, проходитъ быстро, сценично, жизнерадостно.

II.

* * *

„Назино“. Великопостный сезонъ открылся „Весельемъ на слѣдзѣнку“ съ участіемъ г-жи Тамары, Шуваловой и Легата.

Оперетта эта ничѣмъ не отличается отъ массы опереточныхъ издѣлій послѣдняго времени. Наиболее интересенъ въ музыкальномъ и сценическомъ отношеніи третій актъ съ красивымъ финаломъ—праздничнымъ споромъ.

Пальму первенства въ исполненіи слѣдуетъ отдать дамамъ. По обыкновенію весела г-жа Тамара и изящна г-жа Шувалова. Комична г-жа Легатъ. Но за то мужчины... если не считать гг. Ростовцева и Коржевскаго,—право, хорошаго о нихъ ничего не скажешь, да и сами о себѣ они тоже не скажутъ, потому что не имѣютъ голоса; а для оперетки это все-таки не совсѣмъ бесполезная вещь. Въ общемъ впечатлѣніе довольно сѣренькое.

* * *

Тенишевскій залъ. Вечеръ 6. Сологуба. Какая прекрасная мысль!.. Дать слушателю рядъ произведеній талантливаго и оригинальнаго писателя, объединивъ ихъ общей идеей, выбравъ лучшее, драгоцѣннѣйшее изъ всего, что было имъ написано, и при томъ дать все это въ сопровожденіи музыки и пѣнія, сочиненныхъ композиторами на слова Ө. Сологуба..

Съ такой увѣренностью приготовлялся я слушать вступительное слово къ программѣ Е. В. Аничкова. Но — пришлось разочароваться... Говорятъ, чтобы быть критикомъ надо *любить* сочиненія того автора, которому посвящаешь свои статьи... Не знаю, такъ ли это, но если — такъ, то Е. В. Аничковъ — плохой критикъ Сологуба... Въ этотъ вечеръ слушатели его узнали, что въ Россіи были писатели 80-хъ гг., что Чеховъ писалъ хорошо, и что Сологубъ тоже пишетъ не плохо, что есть писатели пессимисты, индивидуалисты, аморалисты, но что все это къ Сологубу не относится, потому что Сологубъ — детерминистъ. И это очень важно... Но почему это важно, при всей горячности своей рѣчи, г. Аничковъ не успѣлъ однако объяснить... Было сказано обо всемъ; о французской литературѣ, о блаженномъ Августинѣ, о манихейхъ, которые замѣчательны тѣмъ, что Ө. Сологубъ не манихей, а „совсѣмъ наоборотъ“ и т. д. и т. д.

Было сказано даже о томъ, что первый сочувственный откликъ Сологубу во тѣмъ безвременьѣ 70—90 гг. далъ не кто иной, какъ Е. В. Аничковъ („Я первый сталъ кричать о немъ“), но непосредственно на тему сказать что-нибудь докладчикъ не успѣлъ... Впрочемъ, нѣтъ... Минувъ множество темъ, лицъ, цитатъ и иностранныхъ фразъ, о самомъ Сологубѣ было сказано въ видѣ полсженія безспорнаго: — Өддоръ Сологубъ, лучший мастеръ русской рѣчи, первый далъ русской литературѣ законченный бытовой Романъ (пишу) латинскими литерами, чтобы подчеркнуть французскій, поистинѣ великолѣпный „прононсъ“ Е. В. Аничкова)...

Потомъ неважно пѣли, читали тоже не слишкомъ хорошо (какъ пріятныя исключенія, отмѣтимъ г-жъ Озаровскую и О. Глѣбову). Но все, что было послѣ вступительнаго слова, не можетъ итти въ сравненіе съ великолѣпнымъ темпераментомъ Е. В. Аничкова, къ сожалѣнію растреченнымъ по пусту... Слишкомъ много случайнаго и непродуманнаго чувствовалось въ программѣ и исполненіи, чтобы можно было говорить о художественномъ успѣхѣ этого вечера.

А жалъ, потому что полный залъ показалъ безспорно, большое вниманіе публики къ автору „Побѣды Смерти“. Г.

Къ 40-лѣтію сценической дѣятельности Я. В. Самарина-Выховца.

(Изъ воспоминаній стараго товарища).

Мои воспоминанія о Я. В. относятся ко второй половинѣ 70-хъ годовъ. Мнѣ, тогда молоденькой начинающей актрисѣ, въ Николаевѣ, случайно удалось сослужить ему службу, результатами которой, въ смыслѣ пользы провинціальному театру, я потомъ постоянно гордилась. Вотъ какъ было дѣло.

Маленькое товарищество, въ которомъ я участвовала, проѣздомъ давало спектакли въ Аккерманѣ. Къ удивленію нашему, мы нашли въ этомъ маленькомъ городкѣ новый прекрасный театръ, выстроенный состоятельнымъ мѣстнымъ собственникомъ и большимъ любителемъ театра, нѣмцемъ-колонистомъ Г., и такую-же — любящую театръ — публику. Сидимъ какъ-то въ садикѣ притеатрѣ — кто вѣжетъ кружево, кто учитъ роль. Подходить Г.; разговорились; спрашиваетъ: не знаетъ-ли кто изъ насъ хорошаго честнаго антрепренера; такому, молъ, онъ сдаль-бы театръ на самыхъ льготныхъ условіяхъ. Перебрали въ памяти того, другого, третьяго. Ни на комъ окончательно не остановились, но пообѣщали сообщить ему съ мѣстъ, — когда разѣдемся. Черезъ нѣсколько времени я служила уже въ Николаевѣ, въ лѣтнемъ театрѣ, у извѣстной артистки Нат. Ив. Ивановой, матери знаменитаго артиста Н. П. Новикова-Иванова. Чутье и наблюденія сказали мнѣ, что въ лицѣ Я. В. Самарина передо мною рѣдкой чистоты человѣкъ. Я вспомнила Аккерманъ и посоветовала Я. В. списаться съ Г.

— Вы именно тотъ человѣкъ, котораго ищетъ тоже, видно, честный нѣмецъ, — сказала я ему.

Я. В. Выховецъ-Самаринъ.

(Къ 40-лѣтію сценической дѣятельности).

— А вы почему знаете, что я честный? — спросилъ онъ меня съ добродушной улыбкой.

— Мнѣ кажется... я вижу...

Не прошло и недѣли, какъ Самаринъ „взялъ“ Аккерманъ. Имъ была собрана небольшая труппа; и я въ ней была. Выборъ антрепренера оказался поистинѣ счастливымъ, и нѣмецъ-хозяинъ театра былъ мнѣ безмѣрно благодаренъ. Мѣстная публика горячо полюбила Самарина, привязалась къ нему, а нѣмецъ прямо влюбился въ него. Короче — Самаринъ ослѣлъ въ Аккерманѣ, держалъ театръ нѣсколько сезоновъ подрядъ, купилъ домикъ, вошелъ въ мѣстное общество желаннымъ.

И было за что любить и цѣнить Якова Васильевича. Для насъ, труппы своей, онъ былъ — мало сказать товарищемъ, другомъ — онъ былъ братомъ. Никакихъ ни на кого окриковъ. Ко всѣмъ сердечно внимателенъ, заботливъ.

Одна черта въ Я. В. говорила много о его внутреннемъ мірѣ: его тянуло всегда къ *землѣ*. Домикъ гдѣ-нибудь на выгонѣ, еще лучше — землицу, хуторокъ... Не измѣнилъ онъ себѣ въ этомъ, видно, и теперь: дачку какую-то имѣетъ, любить ее...

Болѣе 30 лѣтъ спустя я встрѣтила нынче въ Петербургѣ стараго милаго товарища... Лицо страшно измученное жизнью, — мало, видно, баловавшего его... (мытарили его больно въ свое время и за „политику“), но тѣ-же честные, полные душевнаго тепла и грусти, милые голубые глаза, та же снисходительная къ людямъ, добрая улыбка...

З. В. Черняховская.

Я. В. Выховецъ-Самаринъ родился въ г. Одессѣ, гдѣ и воспитывался въ классической гимназіи, по окончаніи которой поступилъ въ Харьковскій университетъ, откуда перешелъ въ Петровскую Разумовскую Академію. Попадъ случайно въ г. Пермь, Я. В. увлекся сценой и послѣ нѣсколькихъ удачныхъ дебютовъ на любительскихъ спектакляхъ, вступилъ въ труппу мѣстнаго театра въ 1871 г. въ антрепризу Херувисова.

Впослѣдствіи Б.-С. объѣздилъ почти всю Россію, игралъ въ главнѣйшихъ городахъ, въ Одессѣ у Милославскаго, въ Казани и Орлѣ у П. М. Медвѣдева, въ Тифлисѣ у Форкати, въ Астрахани у Костровскаго и др.

Въ Петербургъ пріѣхалъ Б.-С. въ концѣ восьмидесятыхъ годовъ и въ первый разъ выступилъ на сценѣ 1-го Общественнаго Собранія (нынѣ Екатеринбургскаго), затѣмъ игралъ въ Василеостровскомъ театрѣ у Мерянскаго, режиссировалъ въ Русскомъ Купеческомъ Обществѣ, въ антрепризѣ А. В. Дарьяль, при открытіи же театра Литературно-Художественнаго Общества вступилъ въ его труппу, гдѣ со втораго сезона былъ назначенъ и, д. режиссера, обязанности котораго несъ 5½ лѣтъ. При режиссурѣ Б.-С. были поставлены такіе сложные пьесы, какъ „Өддоръ Іоанновичъ“, „Смерть Іоанна Грознаго“, „Термидоръ“, „Юлій Цезарь“, „Измаилъ“ и другія.

Лѣтніе сезоны Б.-С. режиссировалъ два сезона у Тумпакова въ Измайловскомъ саду, четыре сезона у Ялышева на Крестовскомъ, одинъ сезонъ у Полякова въ Аркадіи и одинъ сезонъ у Малышева въ Ораніенбаумѣ.

Самъ антрепренерствовалъ Б.-С. два лѣтнихъ сезона въ Тифлисѣ, гдѣ держалъ опереточную труппу и одинъ лѣтній сезонъ въ Орлѣ, гдѣ культивировалъ драму съ гастрольями извѣстныхъ артистовъ.

Крѣпостной театръ.

(Къ свѣтлому дню 19 февраля *).

V.

Театръ—въ литературѣ.

Если общая крестьянская жизнь дореформенной эпохи слабо была представлена въ русской литературѣ, а особенно въ драмѣ, въ виду особыхъ условий, въ которыхъ находилась тогда наша литература, обслуживаемая, преимущественно, дворянствомъ, то еще менѣе находимъ мы въ ней отзвукъ на такую, казалось бы, большую и занимательную тему, какъ крѣпостной театръ, его своеобразный бытъ. Имѣется, правда, не мало всякихъ дневниковъ, воспоминаній, записокъ «кающихся дворянъ», по намъ не удалось отыскать сколько-нибудь значительнаго числа художественныхъ произведеній на эту тему. И тѣмъ цѣннѣе то немногое, что запечатлѣно въ изящной литературѣ о прошломъ родоначальника русскаго провинціального

Сцена въ крѣпостномъ театрѣ во время представленія „Гамлета“.

(Акварель К. Трутовскаго. Собственность Ж. А. Полонской).

театра. Записи «путешественниковъ»—одно, а провинковеніе въ душу явленія художника, воссозданіе образовъ и объясненіе ихъ психологомъ—другое, часто болѣе цѣнное, болѣе вѣрное, болѣе близкое и доступное намъ, ибо художникъ сильнѣе цифръ и голыхъ записей...

Самымъ раннимъ откликомъ на тему о крѣпостномъ театрѣ надо считать комедію Шаховскаго «Полубарскія затѣи или домашній театръ», поставленный въ 1808 году. Въ этой комедіи кн. Шаховской вывелъ помѣщика Транжирина, приготавливающегося угостить дожороженною труппою ожидаемаго въ деревнѣ графа. Отставной актеръ Рѣшимовъ помогаетъ Транжирину готовить сюрпризъ и строить даже триумфальную арку. Въ пьесѣ много смѣшныхъ сценъ и положеній, особенно репетиція балета: когда изволить читать помѣщикъ, то балетмейстеръ и всѣ танцовщицы и танцоры кланяются ему до земли. Транжиринъ весьма просто сортируетъ своихъ дворовыхъ къ музыкальнымъ инструментамъ: высокихъ—къ контрабасу, коренастыхъ—на волторну; на крѣпостной дѣвкѣ онъ женилъ арапа и развелъ своихъ арапчатъ...

Въ этомъ образѣ узнаютъ кн. Н. Г. Шаховскаго, имѣвшего свой театръ въ Н.-Новгородѣ. О немъ сохранилась

добрая память. Князь чрезвычайно заботился о театрѣ. Чтобы крѣпостныя актрисы умѣли себя держать, изображая «дамъ общества», ихъ назначали поочередно дежурить при княгинѣ. Передъ постановкой пьесы «Горе отъ ума» и «Русскіе въ Баденѣ» князь возилъ «на долгихъ» своихъ главныхъ актеровъ въ Москву въ императорскій московскій театръ и на хоры московскаго благороднаго собранія во время блестящихъ баловъ—«чтобы они еще лучше могли воспринять манеры свѣтскихъ людей»...

Этого же князя изобразилъ П. Боборыкинъ въ драмѣ «Большія хоромы» и Михайловъ въ повѣсти «Перелетныя птицы». Повѣсть Михайлова, собственно говоря, рисуетъ бытъ частной провинціальной труппы въ заходустѣ, гдѣ чиновничество на актера смотритъ очень косо. Такъ, начальникъ говоритъ о молодомъ чиновникѣ Милоглядовѣ, любитель-театралѣ:

— Малый онъ честный и почеркъ у него такой славный. Я его въ повѣренныя готовлю. А вѣдь тутъ что—сопьется съ кругомъ и только.

Повѣсть кончается тѣмъ, что актеръ Мирвольскій поджигаетъ театръ, предварительно напивъ и отнявъ у антрепренера фуфайку, набитую деньгами. Антрепренеръ сгорѣлъ, а Мирвольскій превратился въ прожигателя жизни, хотя онъ былъ и не дурной актеръ.

Установлено, также, что кн. Кугушевъ въ извѣстной повѣсти «Корнетъ. Отлетаевъ» изобразилъ богатаго орловскаго помѣщика В. С. Тавѣва, у котораго въ с. Архангельскомъ осенью и зимой шли спектакли почти ежедневно. Разорился Тавѣвъ въ 1849 г. Кугушевъ рисуетъ яркія картины закулисной жизни крѣпостнаго театра. Корнетъ пользовался актрисами поочередно, какъ наложницами и на этой почвѣ происходили драмы.

— Парашка!—крикнулъ корнетъ,—танцовать какъ слѣдуетъ.

— Я... кажется...—начала было Параша.

— Ну, ну, безъ разсужденій у меня,—строго прервалъ ее баринъ,—намедни при губернаторѣ осрамились, хоть онъ и сказалъ, что хорошо, да это только изъ учтивости, а ужъ я то знаю. Онъ даже утверждалъ, что ты будто лучше Самши; ну да это потому, что онъ не знатокъ въ этомъ дѣлѣ, а меня-то не вадуетъ...

Соверницы послали другъ другу по долгому, блестящему, злому, насквозь пронизывающему взгляду.

Корнетъ распоряжался въ своемъ гаремѣ почти на глазахъ законной и нѣжной, страдающей супруги Нины, хуже, чѣмъ повелитель правовѣрныхъ.

Романическая исторія продолжается на сценѣ и въ партерѣ: Нина (супруга Отлетаева) слѣдила за Парашей съ какимъ-то судорожнымъ участіемъ. Глаза танцовщицы встрѣчались съ глазами барыни. И въ самомъ дѣлѣ, между этими двумя созданіями, темною, крѣпостной артисткой и блестящею барыней было что-то общее. Обѣ любили, обѣ страдали; одна въ тѣни, въ простой избѣ отца-сапожника, другая на виду, въ кругу друзей и знакомыхъ, лежа на бархатѣ.

Но вотъ танцовщицы, задыхаясь отъ волненія и усталости, пролетѣли еще разъ по сценѣ, слѣдали два-три прыжка и, остановясь въ граціозныхъ позахъ, кончили

*) См. №№ 6, 7, 8 и 9.

ЛИТЕЙНЫЙ ТЕАТРЪ.

Робертъ Адельгеймъ въ роли Кина.
(Къ бенефису 7-го марта).

поединокъ, вызывая дань удивленія. Увлеченный Оглетевъ, забывшись, въ пылу восторга, схватилъ положенный Ниной возлѣ себя на пустое кресло букетъ и въ одно мгновеніе бросилъ его на сцену. Обѣ танцовщицы кинулись было поднять его, но баринъ крикнулъ:—Самъ!—и она съ торжествомъ взяла цвѣты, а обиженная соперница грустно отошла въ сторону.

— Мой букетъ!—вспыхнувъ отъ негодованія и вскакивая съ кресла, сказала сильно Нина,—мой букетъ!

Отлетаевъ, опомнясь, стоялъ, какъ школьникъ, пойманный въ шалости.

— Сережа, Сережа!—грустно продолжала Нина, качая головой и глотая навертывавшіяся слезы...

Впослѣдствіи корнетъ Отлетаевъ разорился и сдѣлался приживальщикомъ; жена съ дѣтьми уѣхала отъ него, спасая остатки состоянія.

Странно, что ни одинъ изъ нашихъ гениальныхъ писателей не использовалъ темы о крѣпостныхъ театрахъ—ни Пушкинъ (другъ Щепкина), ни Лермонтовъ, ни Гоголь и др.—и только Грибоедовъ въ «Горѣ отъ ума» мимоходомъ двумя-тремя мастерскими штрихами, нарисовалъ образъ московскаго помѣщика Познякова («самъ толстъ—его артисты тощи») и помѣщика Ржевскаго (о распродажѣ амуровъ и зефировъ).

У Никитина въ стихахъ отразилась судьба интеллигентнаго крѣпостного:

— Баринъ жилъ на славу,—
Давалъ пиры, держалъ собакъ,

Своей рукой чинилъ расправы...
Жилъ я, не думалъ, не гадалъ,
Да въ музыканты и попалъ.
Что силы дую,—все не складно.
Растянуть, выдерутъ изрядно...
...У насъ актеръ вина опился,—
Меня въ актеры. Стало, рокъ!
Бывало что: рога приставятъ,
Твердить на память рѣчь заставятъ,—
Ошибся,—въ зубы! Въ гробъ бы легъ!..

И. С. Тургеневъ въ «Льговѣ» рисуетъ портретъ двороваго Сучка, который прошелъ всѣ возможные и невозможныя стадіи дворовой науки. Былъ кучеромъ, потомъ «кофизинкомъ», причемъ назывался вмѣсто Кузмы—Антономъ. Затѣмъ опредѣлили его въ театрѣ актеромъ.

— Какъ же, былъ... на театрѣ игралъ. Барыня наша театръ у себя завела.

— Какія-же ты роли занималъ?

— Чего изволите-съ?

— Что ты дѣлалъ на театрѣ?

— А вы не знаете? Вотъ меня возьмутъ и парятъ; я такъ и хожу наряженный или стою, или сижу, какъ тамъ придется. Говорятъ: вотъ что говори—я и говорю. Разъ слѣпного представлялъ. Подъ каждую вѣку мнѣ по горошинѣ положили... Какъ-же!

Потомъ Сучекъ превращался въ казачка, садовника, доѣзжачаго, повара и рыболова...

Со словъ М. С. Щепкина (см. № 7 «Т. и И.»), А. Герценъ рассказываетъ въ повѣсти «Сорока-воровка» о нравахъ орловскаго театра графа Каменскаго—«сіятельного самодура», выведеннаго подъ именемъ Скалинскаго.

Разсказы И. С. Щепкина дали тему и для гр. В. А. Соллогуба, написавшаго повѣсть «Воспитанница», гдѣ изображена судьба дочери графскаго камердинера Наташи. Воспитанная графиней, какъ барышня, Наташа, послѣ ея неожиданной смерти, очутилась на улицѣ и вынуждена была пойти въ актрисы. Сценическій талантъ ея обнаружился еще въ любительскихъ спектакляхъ въ графскомъ домѣ, гдѣ прокуроръ отличался въ патетическихъ роляхъ, а председатель казенной палаты оказался великолѣпнымъ комикомъ.

Одинъ старичекъ-помѣщикъ содержалъ оркестръ изъ крѣпостныхъ людей.

Мужики играли на скрипкѣ, конторщики писали ноты, бурмистръ билъ тактъ; мальчики съ толстыми губами назначались для флейты и кларнетовъ, широкоплечіе—для фоготовъ. Изъ Москвы выписывались инструменты и капельмейстеры.

Помѣщикъ ѣздилъ по городамъ, подражалъ на балы, и театры и содержалъ этимъ себя и людей. Онъ-то и опредѣлилъ Наташу въ театръ въ труппу къ Ивану Кузьмичу, съ жалованьемъ 2.000 р. въ годъ.

Вся труппа состояла изъ двадцати человѣкъ. Характеристику ихъ не трудно сдѣлать: комикъ Куличевскій пилъ иногда; благородный отецъ Ивановъ пилъ постоянно; трагикъ Кондратьевъ пилъ запоетъ. Всѣ пили болѣе или меньше. Одинъ старикъ Петровъ былъ человѣкъ трезвый, но, можетъ быть, отъ того, что не было у него никакого дарованія. Въ числѣ ихъ было двое благородныхъ: одинъ, выгнанный изъ всѣхъ возможныхъ службъ, другой выгнанный изъ гимназіи за шалости и дурное поведеніе.

Театръ былъ передѣланъ изъ городского цейхгауза. Наташа, еще недавно сіявшая на балахъ въ графскомъ домѣ, привлекла въ театръ весь городъ. Директоръ собиралъ сборы. Потомъ поѣхали на ярмарку въ сосѣдній городъ. Пьяные актеры стали приставать къ новой актрисѣ. За нее вступился молодой актеръ изъ гимназистовъ и предложилъ руку и сердце.

Въ ярмарочномъ театрѣ при видѣ прелестной актрисы, сердца воспылали, помѣщики закрутили усы, даже нѣкоторые купчики расчувствовались.

Одинъ изъ гусаровъ, на пари, на 2 дюжины шампанскаго, рѣшилъ поцѣловать Наташу за кулисами. На эту

сцену натолкнулся женихъ-гимназистъ, оскорбилъ ее и убѣжалъ.

Наташа была, какъ безумная. Какъ въ бреду, она великолепно сыграла роль безумной Офеліи и, придя домой, отравилась. Мечты директора о собственномъ театрѣ, созданномъ силою новой артистки, рухнули.

Тѣмъ же гр. Соллогубомъ въ «Собачкѣ» рассказана занятная исторія изъ нравовъ провинціального театра — о томъ, какъ городничиха, подъ угрозой закрытія театра, отвоевала у актрисы, жены антрепренера, понравившуюся ей собачку. Антрепренеру пришлось изломать на женѣ 2 чубука и, кромѣ того, дать городничему взятку въ 1 т. р.

Соллогубомъ же написана комедія «Сотрудники», изображающая домашній спектакль у тверской помѣщицы. Въ повѣсти Н. Павлова «Именины» представлена судьба крѣпостного пѣвца, сдѣлавшагося ротмистромъ. Онъ былъ дворовымъ мальчикомъ.

— Въ одинъ день, — рассказываетъ ротмистръ, — мы осмотрѣли зубы и губы; по осмотру заключили, что я флейта, отчего и отдали меня учиться на флейтѣ... Меня готовили въ куклы для прихотливой скуки, для роскошной праздности, но музыка спасла моего питомца.

Онъ былъ отпущенъ на оброкъ въ Москву и бродилъ съ труппами. Бросилъ флейту, занялся скрипкой и фортепіано и оказался великопнымъ пѣвцомъ. Но печальна судьба крѣпостного таланта.

Молодой помѣщикъ подружился съ крѣпостнымъ пѣвцомъ и привезъ его въ свое имѣніе и былъ съ нимъ на равной ногѣ и никто не зналъ, что онъ «хамъ». На именины онъ попалъ въ одинъ помѣщичій домъ, гдѣ институтка, внучка старой помѣщицы, пѣла, почему и пригласили его, какъ учителя музыки, въ гости для занятій.

Пѣвецъ покорило сердце внучки-Александриды. Молодые люди часто встрѣчаются, вмѣстѣ поютъ и играютъ и, конечно, влюбляются. Но пѣвецъ рѣшается открыть — кто онъ. Съ барышней обморокъ. Другъ пѣвца, молодой помѣщикъ, хочетъ перекупить его у помѣщика за 10,000 руб., но тотъ успѣлъ проиграть пѣвца другому помѣщику. Тогда пѣвецъ рѣшается зарѣзать своего барина бритвой, но одумался и — бѣжалъ. Объявился непомятымъ родства и попалъ въ солдаты и очень этимъ доволенъ. Даже цѣловалъ солдатскую шинель.

— Я дышалъ свободно, я смотрѣлъ смѣло, меня уже не пугала барская прихоть — я сдѣлался слугою не людей, но смерти...

Была персидская война. Его замѣтили и отличили. За храбрость увѣнчали Георгіемъ и потомъ произвели въ штабсъ-ротмистры.

Ротмистръ поѣхалъ въ деревню къ помѣщику, съ которымъ встрѣтился на станціи и рассказалъ о своей судьбѣ. Именинница, жена помѣщика, оказалась — Александриной!..

Ни съ того ни съ сего, по старымъ романтическимъ традиціямъ, а la Марлинскій, супругъ вызвалъ ротмистра на дуэль и убилъ его.

Повѣсть А. Зорина «Скрипачъ» рисуетъ помѣщичій бытъ передъ волей и печальное положеніе крѣпостного таланта, проиграннаго въ карты жестокому князю. Скрипача, образованнаго юношу, князь опредѣлилъ на конюшню. Когда же собрался было высѣчь его, то Петръ бросился въ рѣку. Его спасли, черезъ пять минутъ прибыла «воля». Такъ Петра и не высѣкли...

Слѣдуетъ отмѣтить еще водевилъ Вельяшева и Рунича «Театралы», въ которомъ выведенъ графъ Потемкинъ, извѣстный театралъ, всегда сидѣвшій въ петербургскомъ театрѣ въ первомъ ряду и устраивавшій у себя художественные праздники; онъ и умеръ въ театрѣ.

Характерно, что въ тѣхъ немногихъ литературныхъ произведеніяхъ, въ которыхъ отразился бытъ крѣпостного театра, это явленіе представлено преимущественно или въ мрачномъ или въ смѣшномъ видѣ и рѣдко кто изъ авторовъ запечатлѣлъ положительный, свѣтлый образъ помѣщика, любителя искусствъ, добраго барина для своихъ

подневольныхъ актеровъ, мецената и просвѣщеннаго чело-вѣка. А между тѣмъ, такіе были, хотя и въ своеобразномъ, эпохой созданномъ, видѣ. Были у крѣпостного театра и свои лучшіе, свѣтлые годы, были и настоящие меценаты, въ родѣ гр. Шереметева, «поборовшаго бранные предразсудки свѣта сего о неравенствѣ состояній» и женившася на своей крѣпостной актрисѣ Парашѣ.

Историки отмѣчаютъ, что крѣпостной театрѣ сталъ грубѣть съ 20 годовъ XIX столѣтія, вмѣстѣ съ паденіемъ нравовъ въ помѣщичьей средѣ, когда вмѣсто нѣжной «Дидоны» полюбили дикія пѣсни и разнузданныя пляски «игрицы», въ родѣ генерала Измайлова, который съѣлъ дѣвокъ-актрисъ за излишнюю скромность, здѣсь же, въ гостинной, передъ гостями...

Наибольшаго одичанія крѣпостной театрѣ достигъ передъ самой волей. Когда многія помѣстья изъ рукъ первоначальныхъ владѣтелей перешли въ руки дѣльцовъ, наглыхъ, хищныхъ, жестокихъ, не связанныхъ съ крестьянствомъ ни долгой жизнью, ни традиціями рода.

С. Атава въ «Оскудѣніи» повѣствуетъ объ одномъ любителѣ хореографіи, помѣщикѣ Николаѣ Николаевичѣ.

— Онъ не жалѣлъ расходовъ, затратъ и хлопотъ по заведенію и здѣсь, въ глуши, хотя малаго балета. Выпи-

„ЗИМНІЙ БУФФЪ“.—ОБЩЕДОСТУПНАЯ ДРАМА.

„Васса Желѣзнова“, М. Горькаго.
Васса (г-жа Горская). Рис. А. Любимова.

санныя изъ Петербурга двѣ балетницы, опытыя въ преподаваніи, по цѣлымъ днямъ прыгали въ залѣ обучая двѣнадцать дѣвицъ двороваго происхожденія... Черезъ какіе-нибудь полгода, несмотря на упорно ходившіе слухи о скорой эмансипаціи, что очень вредно отзывалось на успѣхахъ ученицъ, всѣ двѣнадцать дѣвицъ ужъ очень порядочно танцовали, особенно «характерныя» танцы, и если бы не обнаруживавшаяся у многихъ изъ нихъ беременность, то несомнѣнно достигли бы значительнаго совершенства... Кромѣ всего этого, губернаторъ, по обычаю объѣзжавшій въ этомъ году губернію для ревизіи, на обѣдахъ у предводителей прямо говорилъ, что занятія, подобныя обученію крестьянскихъ и дворовыхъ дѣвицъ хореографическому искусству, хотя сами по себѣ ничего не дозволительнаго и вообще предосудительнаго не представляютъ, но все-таки гораздо пріятнѣе было бы, если бы были прекращены, и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше... И дѣйствительно, вскорѣ и балетъ, и хоры, и «англійскіе мальчики», какъ называлъ покойный Николай Николаевичъ своихъ переодѣтыхъ горничныхъ, были распушены... Тотъ же С. Атава въ «Потревоженныхъ тѣняхъ», П. Глѣдичъ въ «Разгромѣ», Д. Мордовцевъ въ «Наканунѣ воли» пишутъ о голыхъ танцовщицахъ.

Г. А. Мачетъ («И одинъ въ полѣ воинъ») рисуетъ картину болѣе откровенныхъ помѣщичьихъ забавъ съ крѣпостными нимфами. Помѣщикъ задумалъ открыть сезонъ охоты праздникомъ Дианы—«пиромъ классическаго стиля». Для этого приготовили большой залъ.

— Статуи, стоявшія по угламъ и стѣнамъ, были сняты съ своихъ пьедесталовъ и вмѣсто нихъ стояли чисто вымытые и причесанные, обнаженные подростки изъ дворовыхъ дѣвокъ съ вѣтками изъ розъ и виноградныхъ листьевъ на головѣ и талии, держа въ рукахъ высокіе, прекрасные канделябры со множествомъ свѣчей. Онѣ сначала, понятно, упрямылись и ревѣли, конфузясь, но угрозы быть высѣченными скоро заставили ихъ утереть слезы и принять соотвѣтственные позы. Красавица Присъка, панская любимица, сверкая своимъ мраморнымъ обнаженнымъ тѣломъ, изображала собою Диану съ золоченымъ колчаномъ и лукомъ за плечами и полумѣсяцемъ въ волосахъ. Она красовалась, склонясь на колѣно, на столѣ, покрытомъ, какъ ковромъ, живыми цвѣтами, держа громадный серебряный кушинъ съ завѣтнымъ венгерскимъ, которымъ наполняла кубки подходившихъ къ ней гостей, цѣловавшихъ ее за это, точно статую, куда попало... Всѣ же остальные дворовыя дѣвки, въ такихъ же классическихъ костюмахъ, т. е. безусловно обнаженные, только съ вѣнками на головахъ и талияхъ, замѣняли лакеевъ, такъ какъ никому изъ мужского персонала дворни не былъ дозволенъ входъ въ этотъ домъ нѣги, красоты и фей...

Это были послѣднія вспышки догорающаго барства, барства, картины въ стилѣ эпохи паденія Римской Имперіи.

Барство пало, разложившееся и прогнившее, какъ умираетъ всякій изжившій организмъ. Крѣпостные актеры вздохнули свободно.

Всѣ-ли? С. Атава въ «Оскуднѣи» указываетъ, что многіе изъ крѣпостныхъ балетныхъ воспитанницъ, «успѣвшихъ уже полюбить искусство... разставались съ своими наставниками и наставницами съ непритворною грустью и даже со слезами... Что ихъ ожидало? Предъ ними являлась тяжелая и изнурительная полевая работа, грубая одежда, грубая пища!»...

Такъ застарѣлая опухоль становится будто неотъемлемой частью организма, и какой-нибудь уродъ съ тремя ногами почувствовалъ бы себя, первое время, безпомощнымъ, если бы искусный хирургъ избавилъ его отъ уродства...

Н. Негоревъ.

„ЗИМНІЙ БУФФЪ“.— ОБЩЕДОСТУПНАЯ ДРАМА.

„Васса Желѣзнова“, М. Горькаго.

Семень Желѣзновъ (г. Стефановъ). Рис. А. Любимова.

Драмы театра *).

VIII.

По моему, работа автора надъ пьесой совершенно закончена, когда онъ поставилъ точку въ концѣ послѣдняго дѣйствія. И присутствіе его совсѣмъ не нужно ни на черновыхъ репетиціяхъ, ни на генеральной, потому что, если самой пьесой авторъ не сумѣлъ сказать *всею*, что долженъ понять и изобразить актеръ, никакія дополнительныя толкованія духа самой пьесы или отдѣльных образовъ и мыслей не помогутъ. Жизненное и ясное понятно и само по себѣ, а туманное и нелѣпое, сколько ни толкуй, не растолкуешь, какъ и мертвое, сколько ни трясни,—не оживишь!.. И вѣдь только въ столицахъ, кричась, ломаясь и рисуясь, мы устриваемъ по поводу своихъ пьесъ всякія лекціи, толкованія и бесѣды; но если, дѣйствительно, наши пьесы необходимо всячески пережевывать, какъ же ихъ играютъ по всей провинціи? Кто толкуетъ ихъ тамъ? Режиссеръ?.. Но почему онъ понимаетъ что вы написали, а актеръ не понимаетъ?.. Никто ихъ тамъ не толкуетъ, потому что тамъ и вообще меньше мудрять. А играютъ въ провинціи, повѣрьте, не хуже. Я видѣлъ... Правда, тамъ избѣгаютъ уже играть все туманное, вычурное и нелѣпое...

Послѣ толковой общей считки, актеръ долженъ *самъ* прочесть пьесу, выкинуть и въ нее и въ свою роль и готовить роль, какъ понимаетъ ее *онъ*, а не режиссеръ, долженъ *самостоятельно* выработать себѣ гримъ и заказать парикъ, который кажется *ему* наиболѣе характернымъ для данной роли. И, повторяю, автору не зачѣмъ являться на репетиціи и долбить бескончаемо и режиссеру и актерамъ то самое, что онъ сказалъ уже въ своей пьесѣ...

Но есть моментъ, когда авторъ, если онъ интересуется

*) См. №№ 50 и 51 за 1910 г. и №№ 1, 2, 3, 4 и 9 с. г.

своей работой, долженъ быть въ театрѣ непременно... для себя. Этотъ моментъ—первое представленіе пьесы. Только въ этотъ вечеръ въ театрѣ, самъ и безошибочно онъ узнаетъ—нѣла-ли успѣхъ его пьесы, или прошла безъ успѣха. Ни критики, ни рецензенты, ни самые близкіе друзья никакими словами не передадутъ ему того, что тутъ самъ онъ почувствуетъ безъ словъ...

Чья-бы пьеса ни шла, кто-бы въ ней ни игралъ и сколько-бы надъ нею ни хлопотали, никто не можетъ предугадать ея успѣхъ или неуспѣхъ. Газеты прокричатъ объ иной пьесѣ, предсказывая ей славу, смотришь—проваль; о другой никто не обмолвится ни словомъ, глядишь—«гвоздь сезона»... Бываетъ, на генеральной репетиціи успѣхъ кажется обезпеченнымъ, а на спектаклѣ скучно и тускло; и наоборотъ—на генеральной всѣ разочарованы, а на премьерѣ—блестящій успѣхъ... Есть тутъ что-то необъяснимое. Порою даже кажется, будто успѣхъ пьесы зависитъ всецѣло отъ случайнаго настроенія, въ которомъ въ данный вечеръ будетъ въ театрѣ эта двухтысячная толпа... И я замѣтилъ, что изрѣдка вѣрно предсказываютъ успѣхъ или неуспѣхъ пьесы только занятые въ ней старыя опытные актеры да бывалые, много лѣтъ сидящіе въ будкѣ суфлеры. Они словно чувствуютъ нѣчто, чего другіе не видятъ, или угадываютъ это по какимъ-то примѣтамъ, какъ по своимъ примѣтамъ угадываютъ погоду старики пастыряники и садовники...

Никто не можетъ предсказать, по всѣ гадаютъ, волнуясь и нервничая... Газетные юмористы всячески вышучиваютъ нервность автора и его волненіе во время перваго представленія. Но волнуется не только авторъ; актеръ, режиссеръ, декораторъ, бутафоръ, парикмахеръ и плотникъ—всѣ нервничаютъ, стараясь, чтобы любимое ими было принято съ любовью и черезъ рампу и еще не зная—удастся-ли это... Ни одинъ авторъ не волнуется такъ, какъ волнуются передъ каждымъ выходомъ, а тѣмъ болѣе на премьерѣ, актрисы и актеры,—и особенно знаменитые. Даже антрепренеръ, если театръ для него не только доходная статья, по и любимая стихія, волнуется на премьерѣ не за одну лишь кассу... Парикмахеръ, разъ онъ любитъ свой театръ и свое дѣло, волнуясь, прилаживаетъ на головѣ актера «артистически» изготовленный имъ па-

ричокъ и увѣренъ, что публика замѣтитъ этотъ паричокъ, а кто нибудь, пожалуй, и справится—кто именно въ этомъ театрѣ—парикмахеръ?.. Не волнуются только тѣ бритые господа и расфуфыренные дамы, которые выходятъ на сцену лишь для того, чтобы показывать свои брюки и юбки. Всѣ же, кто дѣлаетъ за кулисами свое дѣло съ любовью, волнуются и нервничаютъ на премьерѣ вмѣстѣ съ авторомъ... И вышучивать *это* волненіе могутъ въ наше шутовское время только люди сами уже ни на какое волненіе не способные...

Допустимъ даже, что больше всѣхъ волнуется авторъ. Но вѣдь все, что переживается въ данный вечеръ и по эту и по ту сторону рампы, исходитъ сегодня отъ него, и за все отвѣчаетъ онъ. Только тутъ, сейчасъ—и еще невѣдомо какъ—разрѣшатся всѣ его муки и сомнѣнія, пережитыя во время творчества. Сейчасъ онъ или побѣдитъ, или будетъ побѣжденъ... И вы хотите, чтобы онъ не волновался?... Чтобы и онъ былъ ремесленникомъ?..

Притаившись гдѣ нибудь въ боковой кулисѣ, или въ темномъ углу глубокой литерной ложки, не отрываясь, смотритъ онъ на сцену, на игру актеровъ, и мучительно прислушивается къ тому, что долетаетъ до него изъ зрительнаго зала... И, если публика смѣется тамъ, гдѣ и онъ смѣялся, когда писалъ свою пьесу, и плачетъ, гдѣ плакалъ онъ со своими героями, онъ ликуетъ... Онъ счастливъ и въ эти мгновенія забываетъ все:—цензурныя придирки, неурядицу во время постановки и репетицій и то, что завтра, на ряду съ серьезной критикой, прочтетъ по обыкновенію нѣсколько явно пристрастныхъ, а то и просто бессмысленныхъ, нелѣпыхъ рецензій... Все забываетъ онъ, если видитъ на первомъ представленіи, что «захватилъ» публику, что она его поняла, и если во время дѣйствія святая тишина театра не нарушается ни шорохомъ, ни звукомъ...

Авторъ долженъ быть въ театрѣ въ этотъ вечеръ—для себя, по его совѣстѣ не надо замѣчать. И уже во всякомъ случаѣ не надо выпускать на сцену, на вызовы публики... Но, конечно, пока этого требуетъ публика, пока и самый «успѣхъ» пьесы измѣряется у насъ чужъ-ли не по количеству вызововъ автора а потому не только режиссеры и администраторы, но даже и актеры желаютъ, чтобы авторъ выходилъ,—съ этимъ приходится мириться...

МОСКОВСКІИ ХУДОЖЕСТВЕННЫИ ТЕАТРЪ.

Паръ Бастъ
(г. Качаловъ).

Теодоръ
(г. Балевъ).

Гале
(г. Лужскій).

Фредрихсенъ-музыкантъ
(г. Вишняевскій).

„У жизни въ лапахъ“, К. Гамсуна, 2-й актъ.
(Съ фотографіи К. Фишеръ).

За кулисами же въ этотъ вечеръ, особенно ярко авторъ почувствуетъ, что онъ ничто безъ актера, и актеръ ничто безъ него, что все остальное можетъ быть, но можетъ и не существовать, но во всякомъ случаѣ должно отодвинуться на второй планъ...

Взгляните изъ-за кулисъ на взволнованныя лица зрителей, какъ сосредоточенно они смотрятъ только на актера въ святыя минуты, когда онъ захватилъ ихъ своей игрой, и вы убѣдитесь, что, приходя въ драматическій театръ, зритель забываетъ и постановку и обстановку,—всѣ свѣтовые эффекты и декорации, сверчковъ и собачій лай, заходящую луну и журчанье водонада и только слушаетъ слова писателя и смотритъ на игру актера...

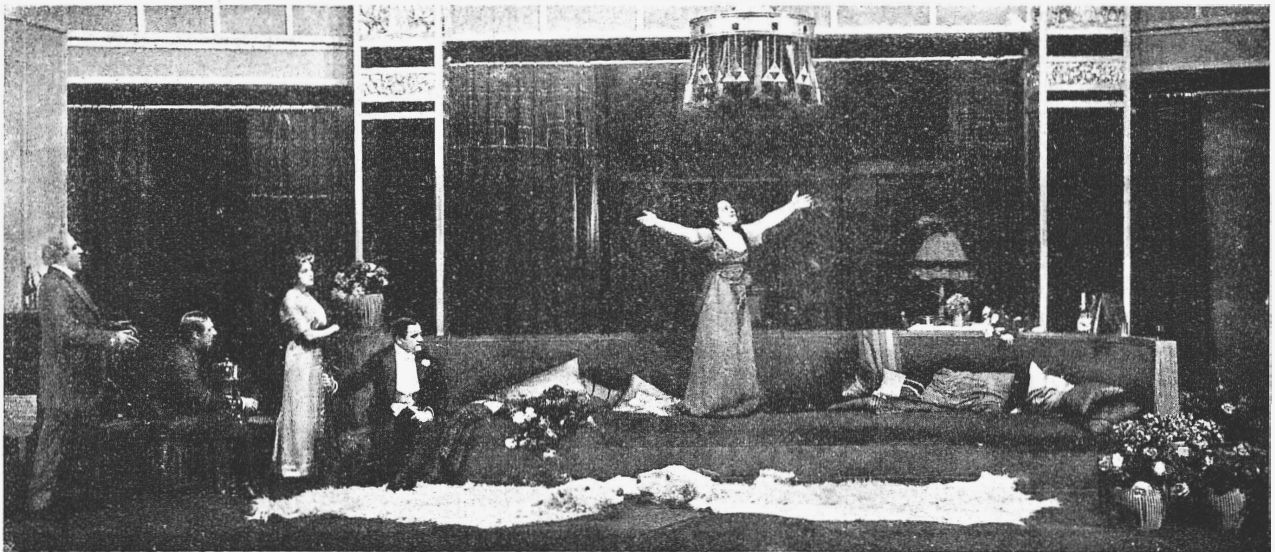
А когда, при успѣхѣ пьесы, взволнованный актеръ выходитъ на вызовы публики и между этими выходами, радостный и счастливый, жметъ молча, по крѣпко руку стоящаго за кулисою автора, а тотъ, рукопожатіемъ или поцѣлуемъ отвѣчаетъ ему, и такъ они торжествуютъ общую побѣду,—развѣ придетъ имъ въ голову цѣловать въ эти

Московскія письма.

66.

То, что сдѣлалъ Художественный театръ изъ пьесы Гамсуна «У жизни въ лапахъ», иначе какъ праздникомъ, большимъ праздникомъ искусства назвать нельзя. Въ отношеніи Художественнаго театра я не склоненъ преувеличивать. Настоячиво, шагъ за шагомъ, я указывалъ ошибки и промахи этого театра. А вѣдь весь послѣдчеховскій періодъ его одинъ сплошной рядъ этихъ ошибокъ. Перечислить ихъ даже нѣтъ возможности. Тѣмъ охотнѣе я отмѣчаю сейчасъ успѣхъ его, большой успѣхъ. Я скажу—рѣшающій успѣхъ. Рѣшающій, потому что, казалось, этому театру уже нѣтъ выхода. По пути театра въ лучшемъ и аристократическомъ смыслѣ этого слова онъ идти не хотѣлъ, а по пути всякихъ выдумокъ и «вывиховъ», по пути кривлянья и манерничанья, дальше идти уже некуда. Классики уложены—изъ Островскаго, Грибоедова, Гоголя сдѣ-

МОСКОВСКІИ ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ТЕАТРЪ.

Паръ Вагтъ
(г. Качаловъ).

Фанни Норманъ
(г-жа Косминская).

Александръ Блаumenштейнъ
(г. Леонидовъ).

Юліана Гиле
(г-жа Книпперъ).

„У жизни въ лапахъ“, К. Гамсуна, 3-й актъ. (Съ фотографіи К. Фишеръ).

минуты режиссера, электротехника, бутафора или парикмахера?.. Спасибо имъ всѣмъ, большое спасибо! Но имъ актеръ и авторъ успѣютъ пожать руки и послѣ, успокоившись отъ волненія, но сами они должны слиться воедино сейчасъ, въ минуты священнаго трепета...

И совершенно непонятнымъ кажется мнѣ—какъ это случилось, что актеръ и писатель не только отдалились другъ отъ друга, но зачастую относятся другъ къ другу недружелюбно и даже—враждуютъ? Непонятнымъ кажется, почему до сихъ поръ нѣтъ театра, хотя-бы одоого театра, гдѣ полными хозяевами были бы истинные и законные хозяева сцены—актеръ и авторъ, а все, все остальное, что нелѣпо и безъ права торжествуетъ теперь на первомъ мѣстѣ, было-бы отодвинуто на свое мѣсто—на второй, на третій и на десятый планы... Непонятно, совершенно непонятно, какъ и почему случилось, что душа и тѣло въ загонѣ, а въ почетѣ—пальто, шляпа, зонтикъ и калоши?!

Братья-писатели и вы, друзья-актеры! Неужели мы все еще не выросли? Неужели все еще не пора намъ сплотиться? И не время-ли жить безъ опекуновъ, насилующихъ наше творчество и расхищающихъ наше добро?!

Викторъ Рышковъ.

ланы кунсткамеры, музей, подлинныя протоколы эпохи, проверенныя снимки «нашихъ специальныхъ корреспондентовъ». Археологи и историки ахали отъ изумленія. Забыта была только душа. Вся дымка тургеневской элегии въ изумительномъ пальто Станиславскаго. Юморъ Гоголя весь ушелъ на доказательство того, что городничій страдалъ нервнымъ подергиваніемъ лица. Дальше еще хуже—«Синяя птица», «Miserege», тещы, каюдры. Сегодня стилизация безъ всего, завтра четвертая стѣна. Полное шатаніе. Всѣ фокусы исчерпаны. А новыхъ «фокусовъ» авторы не пишутъ. Театръ постыдно заявилъ—«нѣтъ пьесъ». Является таинственный реформаторъ Крэгъ и заявляетъ, что поставитъ «Гамлета», но подумавши, рѣшилъ, что ему мѣшаютъ актеры и что «Гамлета», можно вылить, какъ слѣдуетъ, только при помощи суконъ и маріонетокъ.

Передъ театромъ выросла стѣна. И ее оставалось либо пробить и очутиться «по ту сторону», либо погибнуть. И театръ пробилъ ее и вышелъ на солнце, на воздухъ, на широкій просторъ. Я боюсь обобщать этотъ случай, я не увѣренъ, что театръ опять не повернетъ обратно къ рефлктору и маріонеткамъ, къ музеямъ и курганамъ, но то, что сдѣлалъ театръ на этотъ разъ, хорошо. Оно свидѣ-

МОСКОВСКИЙ ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ТЕАТРЪ.

Юліана Гиле (г-жа Книпперъ). Гиле (г. Лужскій). Теодоръ (г. Валіевъ). Гислесенъ (г. Грибузнякъ).

„У жизни въ лапахъ“, К. Гамсуна, 4-й актъ.

тельствуетъ не только о трудоспособности Художественного театра, въ которой никто не сомнѣвался, но и о жизнеспособности его, къ вопросу о которой послѣднее время приходилось подходить не безъ нѣкоторой и основательной дозы скептицизма.

Но не будемъ ставить прогноза. Поговоримъ о томъ хорошемъ, что далъ стечный спектакль. Сама по себѣ пьеса „У жизни въ лапахъ“ пусть не лучшее произведение Кнута Гамсуна, но это все-таки Гамсунъ, проникновенный, интересный и яркій художникъ. Такимъ онъ остался и въ „Лапахъ жизни“. Онъ любитъ природу, любитъ жизнь въ ея здоровыхъ формахъ и проявленіяхъ, любитъ землю. Онъ весь отъ нея. Онъ полонъ истиннаго, поэта чудесной гармоніи здороваго тѣла и здороваго духа. *Лапы жизни*—все то, что отдаляетъ человѣка отъ природы, отъ земли, отъ счастья. *Лапы жизни*—утонченность современной буржуазной культуры съ ея мѣриломъ всего на деньги, золото. То золото, которое все покупаетъ и продаетъ, не зная предѣловъ своей силѣ и могуществу. Любовь, ласка, женщина, искусство—все въ его цѣпкихъ *лапахъ*. Одного нельзя купить за деньги—душевнаго равновѣсія, счастья. Оно въ насъ самихъ, въ нашей близости къ матери-природѣ, къ солнцу, небу. Это счастье утратила и Юліана, новая героиня Гамсуна, утратила съ тѣхъ поръ, какъ перестала быть весело щебечущей пѣвичкой „Король Юліана“ и сдѣлалась фру Гилле, отдавши свое молодое трепещущее тѣло богатому старику. Правда, вмѣстѣ съ тѣмъ она и приобрѣла возможность *покупать*, *покупать* любовниковъ. Но любовь за деньги не даетъ счастья. И въ сорокъ лѣтъ, оглянувшись назадъ, она съ ужасомъ видитъ, что жизнь проходитъ, остались, быть можетъ, послѣднія ея зарницы, а порывы еще не изжиты, еще хочется ласки, тепла, любви вмѣсто того кошмара растлѣнія, который разсыпали вокругъ нея *золотыя лапы* жизни. Этотъ крикъ, задавленный *лапами жизни*, женщины въ сорокъ лѣтъ—лейтмотивъ пьесы.

Художественный театръ отлично выявилъ его въ музыкально-красочной гаммѣ. Такимъ-же поэтомъ, какъ Гам-

сунъ, оказался декораторъ г. Симовъ, вдохновенно переработавшій, въ изумительныхъ по сочетанію тоновъ и красокъ декораціяхъ, самый духъ гамсунской пьесы. Слово тѣсно переплетено съ той вишней рамкой, въ которую вставили его. Третій актъ, кульминаціонный по драматическому напряженію, весь тонетъ въ сочетаніи краснаго съ чернымъ. Доминируетъ красный цвѣтъ. Онъ держитъ васъ въ оцепенѣніи, онъ кричитъ и душитъ, какъ сами лапы жизни. Онъ даже сильнѣе словъ. Тѣмъ болѣе, что въ финалѣ его, достигающемъ силы трагедіи, у актеровъ не хватаетъ нужнаго напряженія Г-жа Книпперъ въ общемъ очень удачная, а мѣстами прямо обаятельная Юліана, въ этомъ актѣ не даетъ той жизни, какой-бы хотѣлось. И если зритель все-таки захваченъ, виновники этого прежде всего декораторъ, а затѣмъ дѣйствительно кошмарная музыка Саца.

При этомъ нужно замѣтить, что декоративное искусство г. Симова (онъ писалъ декораціи къ Чехову) цѣликомъ въ реальныхъ тонахъ. Безъ модернистскихъ вывиховъ, безъ кучъ навоза вмѣсто облаковъ, безъ этого пудного кляксавья широкимъ, оперно-условнымъ, мазкомъ. Въ общій тонъ спектаклю были уничтожены и другія кляксы въ видѣ «сотрудниковъ» и «сотрудницъ». Это институтъ, честь созданья котораго принадлежитъ всецѣло Художественному театру, долго мечтавшему о томъ, какъ обойтись безъ актера. «Сотрудники»—это юноши и дѣвицы безъ определенныхъ профессій, но числящіеся въ спискахъ театра. Когда въ ремаркѣ автора значится «косой», изъ сотрудниковъ выбирается именно косой и играетъ онъ именно потому, что онъ косой. Хромой—хромой. Слепой—слепой. Это называлось созданиемъ настроенія. А такъ какъ актеры хромыхъ, слѣпыхъ и косыхъ нѣтъ, естественно сплошь и рядомъ ихъ замѣняли «сотрудниками», а Гордонъ Крегъ, какъ я уже отмѣтилъ, рѣшилъ стереть съ лица земли даже «сотрудниковъ» и замѣнить ихъ куклами. Для «лапы жизни» отмѣнили «сотрудниковъ», играли одни артисты и играли въ общемъ очень недурно, за исключеніемъ одной г-жи Косминской. Очевидно и актеры истосковались по обыкновенной пьесѣ и дружно вывозили спектакль, самый интересный, повторяю, спектакль за послѣдніе годы. Въ смыслѣ постановки, въ смыслѣ красочно-музыкальнаго проявленія дѣйствія, это, если хотите, рекордъ. Даже тотъ ужасный, замедленный темпъ, который театръ усвоилъ за послѣдніе годы, и тотъ былъ оставленъ. Диалогъ велся, правда, все-таки медленно, но ужъ не въ томъ похоронномъ ритмѣ, какъ это бывало до сихъ поръ.

Въ общемъ—хорошій, на рѣдкость хорошій спектакль. Ия, жестоко критиковавшій ошибки Художественнаго театра, теперь первый радуюсь успѣху его. Эм. Бескинъ.

Выставка картинъ Сюза русскихъ художниковъ.

С. Т. Коненковъ.—Бахъ.

Г. Бернштейнъ, послѣ скандала на представленіи его пьесы „Après moi“.

(Шаржъ). Рис. Саши Гитри.

Театральныя замѣтки.

Отъ многихъ я слышалъ вопросъ, именуемый «реторическимъ» и допускающій лишь утвердительный отвѣтъ:

— Вы, конечно, напишете по поводу рѣчи Пуришкевича о театрѣ въ Государственной Думѣ?

Признаться, я не думалъ писать. Прочитавъ рѣчь Пуришкевича сначала въ краткомъ изложеніи газетъ, а затѣмъ по стенографическому отчету, я не нашелъ въ ней ничего «вызывающаго на размышленіе». Въ концѣ концовъ, ко всему привыкаешь. «Жидоѣдство» стало такимъ затрепаннымъ и затасканнымъ лозунгомъ, что о немъ какъ-то совѣстно говорить. Все давнымъ давно ясно. Дрейфусіада во Франціи, погромы—у насъ—открыли глаза всякому, сколько-нибудь серьезному и въ тоже время достаточно объективному, человѣку. Изреченіе «анти-семитизмъ—это социализмъ для дураковъ» — устарѣло. Это, вообще, ad usum vulgi готовая формула всякаго іезуитства.

Прочія разсужденія Пуришкевича о театрѣ стоятъ на уровнѣ его антисемитской логики. Гдѣ-то я прочелъ: «поручать Пуришкевичу заботы объ искусствѣ—это посылать мусорщика собирать лиліи». Фраза острая, но дѣло въ томъ, что никакія заботы на Пуришкевичей и не возлагаются. Пуришкевичъ представляется мнѣ натурой даровитой, но совершенно неуравновѣшенной, подверженной дѣйствию навязчивыхъ идей. Изъ него вышелъ бы идеальный редакторъ «желтой» газеты, живущей скандалами, клеветой и памфлетами. При этомъ, можетъ быть, въ противоположность дѣятелямъ желтой прессы—онъ остался бы человѣкомъ безъ всякаго недостатка, не имѣлъ бы ни автомобилей, ни аэроплановъ, ни штата любовницъ. Въ сущности, онъ любитъ скан-

далъ ради скандала, бурю рада бури, памфлетъ ради памфлета. Такіе Пуришкевичи бываютъ и слѣва, и справа. Слева это небезопасно и влечетъ большія за собой непріятности. Справа—спокойно. Поэтому справа можно быть скандалистомъ и памфлетистомъ, и не обладая значительнымъ мужествомъ. Мысли у Пуришкевича скачутъ и путаются, будто играютъ въ чехарду. Наговоривъ о театрѣ съ три короба, Пуришкевичъ послѣдующимъ разбиваетъ предыдущее. Но не только не замѣчаетъ этого, а и замѣтилъ бы,—такъ даже не сталъ бы извиняться. «Совру—простятъ!» За что простятъ? За пылъ, за молодечество, за усердіе, за то, что «отъ топота копытъ пыль по полю несется», а это нужно, т. е. чтобы стояло облако пыли, которое не прочихаешь.

Итакъ, я совершенно не собирался было писать по поводу рѣчи Пуришкевича. Но мнѣ сказали: «помилуйте, о театрѣ такъ мало говорятъ! его такъ мало удостаиваютъ разговорами! Необходимо откликнуться!»

Подчиняюсь необходимости и «откликаюсь».

Съ чего же мы начнемъ?

Право, затрудняюсь. Когда мысли скачутъ, какъ въ чехардѣ—не знаешь, гдѣ логическіе концы и начала. Памфлетистъ вьется, какъ угорь. Для него главное—«блеснуть очаровательно», какъ для прапорщика Милашкина. «Барышни смотрятъ? Ну, и пускай ихъ страдаютъ!» Такъ, Пуришкевичъ находитъ, что «мы шагнули впередъ», и потому

«творчество должно быть совершенно свободно, гений и дарованія не должны быть стѣснены въ формѣ своихъ выраженій. И разъ послѣ 17 октября признано за нами право выражать свои мысли открыто, прямо и свободно, разъ мы призваны къ политической жизни, къ дѣланію политики отчасти нашей страны, то, конечно, театръ долженъ быть отражающимъ все то, что дѣлается въ странѣ, отражающимъ всѣ тѣ теченія, которыя въ данный моментъ въ странѣ наблюдаются».

Барышни смотрятъ, удивляются, какой Пуришкевичъ—благородный и «страдаютъ». Казалось бы, послѣ такихъ благородныхъ утверждений, прямой переходъ, если не къ упраздненію цензуры, то къ значительному ея сокращенію и ограниченію. А, между тѣмъ фактически дѣло сводится, наоборотъ, къ увеличенію штата цензоровъ, и обложенію пьесъ («гений и дарованія не должны быть стѣснены») особымъ поактнымъ сборомъ. Продолжая о свободѣ и нестѣсненіи «генія», Пуришкевичъ говоритъ:

«Нельзя претендовать, чтобы театръ являлся въ данный моментъ сатирой на того или другого общественнаго политическаго дѣятеля, нельзя упрекать театръ за то, какъ бы ни обидно это было для многихъ, что онъ является сатирой на лицъ, нельзя упрекать его за то, что театръ является сатирой на общество, сатирой на нравы. Еще древніе говорили: надо самимъ исправлять нравы. Я говорю, полная свобода должна быть дана писателю, должна быть дана автору, если мы вступили на путь общественной политической жизни и открыто и смѣло, хотя бы съ этой трибуны намъ данной, выражаемъ наше политическое кредо, нашъ взглядъ на задачу будущаго, наши desiderata».

Но тутъ же вслѣдъ, удививъ міръ злодѣйствомъ своего либерализма, напустивъ пыли въ глаза отъ топота копытъ, Пуришкевичъ возглашаетъ:

«Но не можетъ быть допустима сатира на государственный строй, сатира на историческія традиціи, ломка исторической традиціи, сатира на духовный складъ своего народа, пропаганда антигосударственныхъ идей».

Такова эта свобода! Пока рѣчь идетъ о пасквиляхъ на «то или другое лицо», «ту или другую партію»—сдѣлайте одолженіе: будьте свободны. Но едва вы подниметесь надъ уровнемъ злободневнаго фельетона и пасквиля, на Гучковыхъ и гр. Витте, и перейдете въ область общихъ идей—тутъ не можетъ быть допущена ни «сатира» ни «мораль». Ка-

залось бы—на общій-то взглядъ, что если должно что стѣснять, такъ это именно пасквилянство: это вовсе не «творчество», а скандальничанье. Но такъ ково направленіе ума у Пуришкевичей, что пасквилянство отождествляется съ «творчествомъ». Мало того: «творчество» немедленно кончается тамъ, гдѣ начинается художественное обобщеніе, созиданіе идейныхъ, философскихъ и эстетическихъ цѣнностей. Пока пасквиль есть просто пасквиль, памфлетъ только памфлетъ; пока подъ сатирическимъ шельмованіемъ нѣтъ никакой подкладки, никакихъ «невидимыхъ міру слезъ» — до тѣхъ поръ пользуясь свободой! Но когда въ основу «сатирическаго» театральнаго представленія положено общее міросозерцаніе—наступаетъ очередь для цензурныхъ «скорпіоновъ». Возможно-ли унизительнѣе, безобразнѣе, циничнѣе судить объ искусствѣ? Но это именно такъ, объ этомъ, не стѣсняясь, заявляютъ въ Думѣ гг. Пуришкевичи, и по этому примѣру можно судить, какой кавардакъ господствуетъ въ умахъ митинго-питинговыхъ черносотенныхъ трибуновъ...

Совершенно такой же кавардакъ, совершенно такая же чехарда мыслей въ той части рѣчи Пуришкевича, гдѣ онъ смѣшиваетъ въ кучу Луначарскаго, Сологуба, Рышкова, Бѣлаго, Юшкевича... Для того, чтобы судить о хаосѣ, въ которомъ томится мозгъ Пуришкевича, достаточно взять первыя попавшіяся строчки и поставить ихъ рядомъ.

Я допускаю мысль, что они идеалистичны, я допускаю мысль, что ихъ задача найти новые пути, что они мятутся въ неудовлетворенные современностью, что они мятутся въ болѣзненномъ настроеніи, въ исканіи лучшихъ, болѣе свѣтлыхъ и болѣе чистыхъ идеаловъ.

Бросьте взглядъ, однако, на слѣдующій столбецъ.

Я скажу, что въ театрѣ, когда жидъ добьется своего, тогда эти Сологубы, эти Бѣлые и Черные, и скорѣе всего скажу я, желтые, попадутъ въ желтый домъ, и имъ будетъ пѣсенка спѣта.

Это сумбуръ страшный — сумбуръ, отъ чтенія и слушанія котораго можно спятить съ ума—подобно тому, какъ часто заболѣваютъ расстройствомъ ума психиатры, находящіеся въ постоянномъ общеніи съ душевно-больными.

Безспорно, среди «навязчивыхъ идей», которыми одержимы путаная головушки Пуришкевичей, наиболѣе навязчивая — это антисемитизмъ. «Навинчиваніе» мысли на антисемитскій ладъ производится давно. Тутъ много было расчета, но много и публицистическаго, желто-газетнаго темперамента, которому всего легче разойтись, сконцентрировавъ мысль на извѣстной краткой и вмѣстѣ съ тѣмъ парадоксально-рѣзкой формулѣ. Я помню, во дни моей юности, издатель большой умѣренной газеты жаловался на то, что газета его поневолѣ суха.

— Вѣдь разыгаться перу можно только на еврейхъ!—говорилъ онъ мнѣ (либералъ!) и никнулъ печально головой.

«Новое Время», которому нелѣпая, зловредная, распухшая, какъ противный вередъ, теорія антисемитизма обязана своимъ развитіемъ въ очень большой степени,—конечно, много способствовало распространенію этой навязчивой идеи. Это былъ ежедневный «доппингъ», не только не возбраняемый, но поощряемый въ глазахъ правительства, которымъ взвинчивались нервы публицистовъ и фельетонистовъ. Выходило рѣзко, красочно, ярко, одновременно вполне безопасно, и вмѣстѣ съ тѣмъ пріятно для массъ читателей, которые борьбу съ темными предразсудками и переживаниями отнюдь не ставятъ задачей своей жизни. Для заимствованій у такихъ-же «temperamenten'volle» заграничныхъ борзописцевъ препятствій не было: Штеккеръ, Дрюмонъ—бери

сколько хочешь! Разница была въ томъ, что на Западѣ «доппингъ» антисемитизма оставался лишь способомъ рекламы, формою скандала, орудіемъ шантажа, а главное, литературнымъ перцемъ—у насъ же, благодаря реакціонной политикѣ, фельетоны «Нов. Врем.» часто дѣлались циркулярами, рассылаемыми губернаторамъ, если не мотивами для законодательныхъ опредѣленій. Послѣ «дней свободы», когда понадобилось повернуть вспять теченіе жизни, размѣры и характеръ этой навязчивой идеи стали приобретать поистинѣ угрожающій характеръ. Достаточно указать на то, что само «Новое Время» на-дняхъ не безъ комическаго ужаса отмѣтило статейку какой-то черносотенной газеты о томъ, что чуму дѣлаютъ жида. На это, т. е. на то, что жида дѣлаютъ чуму, «Нов. Время» не согласно, боясь чумы за себя и близкихъ. Но до чумы—оно безстрашно.

Впрочемъ, вернемся къ рѣчи Пуришкевича. Рѣчь Пуришкевича—настоящій бредъ больного воображенія, совершенно безсильнаго бороться съ навязчивыми идеями. Еще пока онъ не впивается зубами въ жида, все-таки среди противорѣчій и сумбура мелькаютъ какіе-то отрывки логики. Но дорвавшись до жидовъ, Пуришкевичъ прямо шалѣетъ. Оказывается, что и современный «декадансъ» — дѣло евреевъ. Я представляю себѣ культурнаго антисемита, которому іудаизмъ и все, что онъ собою внесъ въ культуру, чуждъ, антипатиченъ и непріятенъ. Явленіе не только допустимое, но и совершенно законное и понятное. Воображаю, въ какомъ онъ долженъ быть затрудненіи! Духъ евреевъ—позитивизмъ въ философіи, реализмъ въ политикѣ, мистицизмъ въ религіи, практическій утилитаризмъ въ культурѣ—органически враждебенъ новому «модернистскому» духу. Въ искусствѣ послѣдній самое природу объявляетъ въ подчиненіи у творчества поэта; онъ, этотъ духъ модернизма, провозглашаетъ самоцѣнность красоты, пластики; его идеалы и мечтанія—возрожденіе эллинской жизнерадостности. Онъ ненавидитъ бытъ, потому что въ послѣднемъ узы и цѣпи практики, преграды и самодовольное ограниченіе позитивизма. Такому образованному антисемиту извѣстно, что духъ эллинскій противоположенъ духу іудейскому и когда принимаетъ доказывать, что именно еврей, всегда подчинявшіе искусство морали, сейчасъ ниспровергаютъ мораль для торжества свободнаго искусства; что они, со временъ іерусалимской теократіи, закрывавшіе наготу прекраснаго одеждою этики, нынче сѣютъ стѣмена наготы и воздвигаютъ храмъ Аполлона—на душѣ и въ умѣ такого культурнаго антисемита должно стать смутно и пусто. Онъ долженъ захлопнуть своего Трейчке и распрощаться со своимъ антисемитизмомъ.

«О, Пуришкевичъ—говоритъ онъ съ горечью—ты укралъ у меня мой антисемитизмъ!»

Серьезно: Пуришкевичи вмѣстѣ съ «объединеннымъ дворянствомъ», которое этимъ рѣчамъ сочувственно внимаетъ, убиваетъ антисемитизмъ, какъ культурное мировоззрѣніе. Это митингово-питинговое словоизверженіе, результатомъ котораго можетъ быть еще десятка два лишнихъ высылкъ евреевъ, не вполне имѣющихъ «право жительства» (да проститъ солнечный Аполлонъ этотъ оборотъ рѣчи, основанный на дѣйствующихъ узаконеніяхъ!)—есть самое лучшее средство для того, чтобы въ одинъ прекрасный день культурный антисемитъ, совершенно растерявшійся отъ того, что и чуму дѣлаютъ евреи, и модернистскую литературу, и Уайльда зачали, и Ницше, и что все это открылось благодаря Пуришкевичу,—чтобы такой антисемитъ, разозлив-

шись на всю эту навинченную и историческую чепуху, воскликнулъ:

— А ну васъ ко всѣмъ чертямъ! Выкину я за окошко это навождение, — авось здравѣ стану...

Что онъ неминуемо и сдѣлаетъ, — и въ самомъ непродолжительномъ времени, и что театральныи дѣлатель, не чуждый одно время этого теоретическаго и, такъ сказать, идеологическаго антисемитизма, уже сдѣлалъ, «обалдѣвъ» и завертѣвшись отъ рѣчей Пуришкевичей.

Еврейскій вопросъ въ театрѣ, однако, существуетъ, и благо мы начали объ немъ рѣчь, — ее надо продолжать.

До слѣдующаго №.

А. Кугель.

Письма въ редакцію.

М. Г. Въ № 9-мъ уважаемаго вашего журнала, къ изумленію, я прочелъ слѣдующее: «Получена телеграмма, что въ Тирасполь оставлены на произволъ судьбы малороссы труппы Суходольскаго. Онъ сбѣжалъ, задолжавъ артистамъ 3000 руб.»

Покорнѣйше прошу оповѣстить, что это вымыселъ и клевета, подозреваю не принятаго на службу, котораго привлеку къ судебной отвѣтственности.

Суть дѣла такова: я, съ труппой въ 60 человекъ, былъ за границей, въ Румыніи и Болгаріи, остальная часть труппы въ 45 чел. подвизалась въ Аккерманѣ, затѣмъ въ Тирасполѣ, чередуясь съ Бендерами. На многократные мои запросы телеграммами и письмами о положеніи дѣла, я отчетовъ не получалъ до конца сезона. Расплатившись съ труппой за границу 20-го февраля, я 21-го былъ въ Тирасполѣ. Принявъ отчетъ отъ уполномоченнаго г. Викторова, я усмотрѣлъ дефицитъ болѣе 2500 руб. Утромъ, 22 февраля, я пригласилъ труппу, произвелъ подсчетъ, уплатилъ одной части труппы, все слѣдующее, къ остальнымъ обратился со слѣдующими словами: «Т. к. я не имѣлъ свѣдѣній о ходѣ дѣла Тираспольскаго отдѣленія, я не могъ ориентироваться и приготовить къ точному расчету. Имѣющимися при мнѣ деньгами уплачиваю болѣе нуждающимся, сегодня ѣду въ Харьковъ и вышлю въ день пріѣзда остальнымъ». Опросивъ, какая сумма кому необходима на первое время, а для пересылки остальныхъ денегъ взявъ адреса, не услышавъ протеста ни отъ одного человека, я уѣхалъ въ Харьковъ, оставивъ уполномоченному списокъ служащихъ на будущій сезонъ. Меня провожали нѣсколько человекъ изъ труппы.

Въ день пріѣзда въ Харьковъ 24 февраля телеграфомъ перевелъ сумму болѣе условленной. Заключивъ договоры съ оркестромъ, служившими въ этомъ году и другими, я уѣхалъ въ Москву, о чемъ всѣ знали...

Правъ-ли клеветникъ, сказавъ, что я «сбѣжалъ»?

Другія газеты прошу перепечатать.

Съ почтеніемъ А. Суходольскій.

М. г. Въ вашемъ уважаемомъ журналѣ № 6 было помѣщено письмо курскаго антрепренера И. А. Орлова слѣдующаго содержанія: «19 декабря 1910 г. послѣ спектакля „Дѣвичій переполюхъ“ (гастроль Орленева), ночью, не предупредивъ меня и товарищей, уѣхалъ тайно актеръ А. А. Раскинъ. Уѣхалъ передъ праздничнымъ репертуаромъ. Довожу до всеобщаго свѣдѣнія».

Съ своей стороны я также считаю своею обязанностью довести до всеобщаго свѣдѣнія, что мною 24 февраля с. г. подано въ совѣтъ Император. Русскаго театр. общества заявленіе съ обвиненіемъ, какъ г. Орлова, такъ и всѣхъ «товарищей», подписавшихся подъ заявленіемъ, присланнымъ г. Орловымъ въ Совѣтъ того же общества, за исключеніемъ г-жи Новицкой и гг. Аксенова и Кирѣева, въ подписи заведомо ложнаго заявленія, такъ какъ всѣмъ остальнымъ было хорошо извѣстно заранее, что я служу лишь только до 15 декабря 1910 года.

Кромѣ того заявляю, что ни въ какую полемику, какъ съ г. Орловымъ, такъ и съ «товарищами» по антрепризѣ г. Орлова, я вступать не желаю, предоставляя имъ право разобраться третейскимъ или короннымъ судомъ, гдѣ, понятно, выяснится все ихъ «милое товарищеское отношеніе».

Пр. и пр. актеръ А. А. Раскинъ.

М. г. Въ № 8 вашего уважаемаго журнала, харьковскій корреспондентъ сообщаетъ, что театръ Гришке на будущую зиму сланъ г. Писареву подъ общедоступную драму. Очевидно корреспондентъ вторично введенъ въ заблужденіе, такъ какъ

часть зимы, т. е. на время съ 26 декабря 1911 г. по В. постъ 1912 г., театръ снятъ мною. 24-го мая 1910 г. заключенъ договоръ съ Гришке и внесенъ ему залогъ въ суммѣ 2000 р. Не допускаю мысли, чтобы театръ на одно и то же время сдавался двумъ предпринимателямъ.

Пр. и пр. Антрепренеръ украинской труппы И. Колесниченко.

М. г. Прочитавъ въ № 7 вашего уважаемаго журнала корреспонденцію изъ Николаева, подписанную буквою „Ш“, я былъ крайне удивленъ сообщеніемъ обо мнѣ вымысла, будто я арестованъ. Въ этомъ сообщеніи нѣтъ ни слова правды. Будущій сезонъ служу въ Саратовѣ у П. П. Струйскаго.

В. Гардинъ.

М. г. Въ № 4 вашего уважаемаго журнала г. В. Барскій объясняетъ, что причиной моего ухода изъ керченскаго дѣла были мой протестъ противъ хора на сценѣ въ пьесѣ „Казнь“ и мои ежедневныя опаздыванія на репетиціи, затягиваніе антрактовъ, перебранки съ актерами, уходы съ репетицій по собственному желанію. Казалось бы, все это криминалы такого свойства, что ихъ наличность давала право подвергнуть меня остракизму, между тѣмъ какъ я ушла сама. Ясно, что не въ этихъ криминалахъ дѣло, а въ чемъ-то другомъ. Протестъ мой былъ направленъ вовсе не противъ хора въ „Казни“, а противъ пляски Кетъ, о которой и не могло быть рѣчи, разъ не было хора и общанъ къ спектаклю онъ также не былъ. Уходы съ репетицій, перебранки съ актерами, если и имѣли мѣсто, то были вызваны исключительно дезорганизванностью дѣла, благодаря неумѣлому руководству г. Барскаго. Зачастую приходилось репетировать со стульями и г. помощникомъ, вмѣсто занятыхъ въ пьесѣ лицъ, ожидать часами опаздывавшаго или совсѣмъ не явившагося на репетицію режиссера, изъ-за каприза котораго приходило, однажды — даже отмѣнить спектакль; изъ-за нежеланія г. Барскаго читать свою роль громко, до послѣдней репетиціи (ихъ бывало только 2) случалось неумышленно себѣ фавулы новой пьесы, а чтобы взять пьесу для прочтенія на домъ, приходилось пройти рядъ мытарствъ, вплоть до перебранокъ съ помощникомъ. Г. Барскій допускалъ „художественныя“ вольности такого свойства: „Жуликъ“ въ 1-й разъ былъ поставленъ цѣпками, а повторенъ безъ 4-го акта. Потребовалось бы не мало мѣста, чтобы привести еще цѣлый рядъ такихъ „художественныхъ“ отступленій.

Все это, скрѣпя сердце, я терпѣла, пока въ день бенефиса, при биткомъ набитомъ залѣ, я не услышала съ подмостковъ оскорбительной отсѣбятины, направленной противъ меня. Вообще, въ этотъ вечеръ мнѣ пришлось натолкнуться на цѣлый рядъ мелкихъ подвоховъ со стороны г. Барскаго. Если же ко всему этому добавить, что мѣстнымъ рецензентамъ было отказано въ мѣстахъ въ день моего бенефиса, то станетъ ясно, почему чаша моего терпѣнія переполнилась не до, а постъ бенефиса, что, главнымъ образомъ, повидимому, огорчаетъ во всей этой печальной исторіи г. Барскаго.

Пр. и пр. Д. В. Германовская.

Прим. ред. Давъ возможность всѣмъ заинтересованнымъ лицамъ высказаться, редакція считаетъ вопросъ исчерпаннымъ.

М. г. Позвольте мнѣ черезъ посредство вашего уважаемаго журнала выразить свою глубокую благодарность всѣмъ товарищамъ и лицамъ, почтившимъ поздравленіями мой 25-лѣтній юбилей 13 февраля.

Пр. и пр. Ф. И. Кремаевскій.

Малехья хрочика.

*** Передвижной театръ г. Гайдебурова снова отправился въ провинцію дивить своимъ искусствомъ свѣтъ. Въ виленской газетѣ „Сѣверо-Западный голосъ“ читаемъ: „Передвижники хорошо сыгрались. И это единственное впечатлѣніе, которое осталось отъ ихъ исполненія „Одинокихъ“. Живой силы, живой души не чувствовалось».

Похвалить передвижниковъ надо за то, что они ровно въ 8½ ч. вечера начинаютъ спектакль и не затягиваютъ его продолжительными антрактами».

И на томъ спасибо!.. Когда женщина не красива, то говорить, что у нея красивые глаза...

*** Не совсѣмъ обыкновенное предложеніе получили мы: высказаться по вопросу о томъ, правъ или неправъ рецензентъ „Уральской Газеты“, обрушившійся на обывателей, чествовавшихъ актера Петрова въ пьесѣ „Сѣв. богатыри“ Ибсена. Рецензентъ пишетъ:

„Это „торжественное чествованіе“ совсѣмъ испортило ибсеновскій вечеръ».

Среди торжественной мелодіи, на сцену ворвался обыватель и прокричалъ „пѣтухомъ“:

— Кукаре-ку-у! Плевать я хочу на Ибсена. Да здравствуетъ Петровъ!

Да! Г. Петровъ несомнѣнно даровитый артистъ, но рядомъ съ гениемъ „Сѣвернаго Шекспира“, онъ совсѣмъ незамѣтная величина, которую можно бы позабыть, пока царилъ Ибсенъ“.

Г. Петровъ, однако, вѣдь не конкурентъ Ибсена...

Несомнѣнно, что чествование актера—такъ, здорово живешь—не принято на хорошихъ сценахъ. Тутъ Ибсенъ не причемъ. Скорѣе это неудобно по отношенію къ публикѣ, которая на такое чествованіе не собиралась, и къ другимъ актерамъ, которымъ, неизвѣстно зачѣмъ, приходится играть довольно глупую роль ассистентовъ.

*** Появилось успокоительное официальное сообщеніе, утверждающее, что Петербургу не грозитъ кинематографическая опасность: за помѣщеніями кинематографовъ смотритъ городская управа. И въ тотъ же день были сообщены результаты осмотра 22 кинематографовъ, причемъ оказалось, что изъ 22—17 могутъ быть признаны годными лишь условно, одинъ открытъ вовсе безъ дозволенія.

Весьма успокоительно...

*** Въ Севастополѣ, въ зимнемъ обществ. собраніи съ 7-го марта объявлены „гастроли артистовъ с.-петербургскаго театра шарж-пародія жанръ „Кривого Зеркала“ Кабаръ“. Уполномоченный Ив. Гелеверъ.

Что это за „спб. театръ“ Кабаръ? Такого театра въ Петербургѣ нѣтъ. „Редакція“ анонса, казалось бы, совсѣмъ ужъ недвусмысленна и дѣло тутъ ясно, и потому тѣмъ болѣе странно читать въ мѣстной газетѣ „Крымск. Вѣстн.“ помѣщенную авансомъ замѣтку: „Судя по тому, что труппа въ свои постановки ведетъ безъ сфупера, надо полагать, что постановка отличается образцовымъ исполненіемъ и хорошимъ ансамблемъ“.

Изъ выдающихся силъ труппы можно отмѣтить г-жу Линскую и г. Мурскаго“. (Конечно, это не извѣстный А. Мурскій).

Расточать похвалы авансомъ, не разобравшись, гдѣ зарыта собака—весьма неосторожно, и для газеты, столь доверчиво раскрывающей свои объятія, можетъ получиться одинъ конфузъ.

*** Приѣхавшая въ Петербургъ, по окончанію зимняго сезона, провинціальная артистка Д. К. С., записываясь въ театральномъ агентствѣ, опредѣлила свое амплу, какъ передаетъ очевидецъ, такимъ образомъ: инженерю, характерныя роли, бытовые, эксцентричныя, молюеровскія, чеховскія и вдохновенныя.

По провѣщанію.

Бану. Новый театръ. Намъ телеграфируютъ: „28 февраля, состоялось открытіе новаго театра братьевъ Майловыхъ, выстроеннаго инженеромъ Ваевымъ, при переполненномъ сборѣ оперной труппой Харюкова. Постановлена Борисъ Годуновъ. По окончаніи спектакля публика восторженно апплодировала строителю. Сборъ достигъ 2,600 по обыкновеннымъ цѣнамъ. Уполномоченный Антрепризы Якушовъ“.

Калуга. Намъ пишутъ. „Сезонъ г-жа Неволіна окончила съ дефицитомъ около 7½ тысячъ руб. (при валовомъ сборѣ около 21 тыс.). Многимъ артистамъ не доплатены солидныя суммы и послѣдніе были поставлены въ крайне затруднительное положеніе. Болѣе 700 руб. осталась должна г-жа Неволіна и городу за аренду театра. На послѣднемъ засѣданіи городской думы вслѣдствіе этого постановлено считать съ 23 февраля контрактъ по арендѣ театра г-жей Неволіной нарушеннымъ, о чемъ и объявить ей черезъ нотаріуса; театръ до 1 іюля эксплоатировать самому городу, при чемъ, если вырученная сумма окажется меньше недоимки г-жи Неволіной, обратить на покрытіе ея залогъ г-жи Неволіной, имѣющійся въ городской кассѣ въ суммѣ 500 руб.; съ 1 же іюля сдать театръ другому антрепренеру, при чемъ понизить арендную плату до 2000 руб.“

Такая развязка сезона, какъ я уже писалъ и раньше, вовсе не является неожиданною; напротивъ, она составляетъ естественное и логическое послѣдствіе крайне неудовлетворительной постановки у г-жи Неволіной всего дѣла.

Къ концу сезона въ особенности дѣло стало расплываться по всѣмъ швамъ. Нѣкоторые артисты предпочли заблаговременно оставить службу у г-жи Неволіной и уѣхали въ другія мѣста (г-жи Македонская, Эмская). Другіе же, не получая жалованья, забастовали и перестали играть (г. Выговскій). Поэтому пришлось распредѣлять роли между наличнымъ составомъ совершенно несоотвѣтственнымъ образомъ. Репертуаръ держался самый разномастный: „Урѣзъ Акоста“ мирно уживался рядомъ съ „Докторомъ отравителемъ“ и фарсомъ „У женскихъ юбокъ“. О старательной постановкѣ и тщательномъ разучиваніи, разумѣется, при этихъ условіяхъ не могло быть и рѣчи. М.

Въ городской думѣ вопросъ о расторженіи контракта съ г-жею Неволіной вызвалъ не мало волненій.

Дѣло началось съ заявленія 4-хъ артистовъ. Въ немъ гг. Выговской, Кузнецовъ, Стрѣшневъ и Квитко пишутъ, что управляющій г-жи Неволіной все время передъ окончаніемъ сезона говорилъ, что расплатится съ ними на второй день по

окончаніи сезона т. е. 21 февраля, въ 7 час. веч. А когда артисты въ назначенное время явились за расчетомъ въ контору театра, то вмѣсто денегъ получили письма г-жи Неволіной, гдѣ она говоритъ, что сейчасъ не можетъ имъ заплатить ни копѣйки, а уплатитъ впоследствии частями, теперь же и объясняться съ ними не желаетъ. Кромѣ этого заявленія поступило письмо уполномоченнаго театрального о-ва, въ которомъ, характеризую поступокъ г-жи Неволіной съ нравственной ея стороны, уполномоченный о-ва говоритъ: „Ясно, что все было подстроено такъ, чтобы оттянуть возможно болѣе времени и не дать доверчивымъ артистамъ возможности протестовать своевременно“. Защитникомъ интересовъ г-жи Неволіной выступилъ гласный г. Вашковъ, вошедшій въ Думу съ особымъ заявленіемъ. Г. Вашковъ строилъ свою защиту на мнѣніи театральной комиссіи, высказанномъ 2 мѣсяца тому назадъ, когда о плохомъ составѣ труппы—главный пунктъ обвиненія театр. комиссіи—не говорилось. Тогда театр. комиссія, соглашаясь съ доводами г-жи Неволіной, что существованіе лѣтняго театра, съ одной стороны, и увлеченіе игрой въ клубъ въ лото, съ другой, оказываютъ очень замѣтное влияніе на сборы въ театръ и прихода по этимъ соображеніямъ къ выводу, что городской театръ при настоящихъ условіяхъ уже не можетъ давать антрепренеру того, что давалъ въ прежнее время, постановила: рекомендовать городской думѣ уменьшить г-жѣ Неволіной на текущій сезонъ арендную плату до 2,500 р. и плату за освѣщеніе на спектакли до 18 р. и на маскарады до 10 р., Театр. комиссія лишь выразила желаніе, чтобы труппа была пополнена лучшими силами если не постоянными, то хотя бы гастрольными.

„Г-жа Неволіна, исполняя желаніе комиссіи, говоритъ въ этомъ заявленіи, приглашала гастролеровъ. Мы видѣли Голубеву, Орленеву, Дальскаго, которые должны бы были сдѣлать сборы,—и то же не сдѣлали. Даже такая крупная величина въ театральномъ мѣрѣ, какъ Дальскій, и тотъ не могъ отвѣтъ нашу публику отъ клуба. Въ клубѣ буфетъ дешевый, развлечения по большей части даровыя, а главное тамъ лото, игроки въ которое, стыдятся признаваться въ увлеченіи игрой, не ходятъ въ театръ, ссылаясь на плохую труппу. Только такимъ образомъ распространены въ городѣ слухами о плохомъ составѣ труппы и можно объяснить противорѣчія въ мнѣніяхъ комиссіи“.

— Со 2-ой недѣли поста начинаются спектакли труппы артистовъ Московскаго Малаго театра во главѣ съ г-жей О. О. Садовской.

Кишиневъ. Въ театрѣ Благороднаго собранія великопостный сезонъ открыло „Генрихомъ Наваррскимъ“ товарищество драматическихъ артистовъ одесскаго городского театра, подъ управленіемъ Мариуса Петипа.

Кіевъ. Намъ присланъ отчетъ о движеніи суммъ кіевского комитета Театральнаго Общества, съ 1 февраля 1910 г. по 1 февраля 1911 г.

Приходъ: Выслано И. Р. Т. О-вомъ 25% чистаго сбора отъ спектакля 10 декабря 1909 г. въ театрѣ „Соловцовъ“ 970 р., получено отъ М. Я. Бродскаго 25 р., получено отъ устр. вечера памяти Комиссаржевской 30% чистой прибыли 138 р. 38 к., поступило 50% чистой прибыли отъ спект. 22 декабря 1910 г. въ театрѣ „Соловцовъ“ 1871 р. 80 к., получено въ счетъ погашенія ссудъ 550 р., получено за участіе артистовъ на вечерахъ 1235 р. Итого 4790 р. 18 к.

Расходъ: Выдано пособій на сумму 1251 р., выдано ссудъ на сумму 555 р., возвращено за неучастіе артистовъ 125 р. Итого 1931 р. Остатокъ къ 1 февраля 1911 г. 2859 р. 18 к.

Вѣдомость подписана предсѣдателемъ комитета А. Френкель и членами комитета: Н. Рогожинъ, И. Н. Летичевскій.

Февраля 25 дня 1911 г.

Кіевъ. Въ театрѣ „Бергонье“ великопостный сезонъ открылся „Норой“ съ г-жей Юренивой.

Нииніи-Новгородъ. Въ труппѣ Смурскаго, снявшаго на постъ городской театрѣ, съ большимъ успѣхомъ прошла гастроль артистки театра Корша М. С. Дымовой. Была поставлена пьеса Оленина „Душа, тѣло и платье“. Г-жу Дымову много вызывали послѣ каждого акта. Ея успѣхъ дѣлилъ г. Истомина-Кастровскій.

Ростовъ-на-Д. Въ Ростовскомъ театрѣ съ 28-го февраля объявлено 12 спектаклей „Полнаго ансамбля“ петербургскаго театра „Паласа“, подъ управленіемъ М. С. Дальскаго. Конечно, это только такъ пишется „полный ансамбль“, на самомъ же дѣлѣ въ труппѣ нѣтъ, напр., г-жъ Кавецкой, Рахмановой, г. Полонскаго и др. Открытіе—„Графъ Люксембургъ“—дало полный сборъ.

Итоги сезона.

Александрія. И. В. Годинъ не дотянулъ сезона и за 13 дней до окончанія его долженъ былъ искать со своей труппой спасенія въ Кривомъ-Рогѣ.

Армавиръ. А. А. Кравченко закончилъ сезонъ съ убыткомъ. Артистамъ уплачено сполна.

Астрахань. Драма г. Галль - Савальскаго взяла около 40,000 руб. и понесла убытокъ въ 5000 руб.

Баку. Антреприза г-жи Боярской понесла около 30,000 руб. убытка.

Вильна. Е. А. Бѣляевъ сдѣлалъ оборота въ 61,000 р., закончивъ сезонъ съ хорошимъ барышомъ.

Владивназъ. З. И. Малиновская закончила сезонъ съ барышомъ, сдѣлавъ около 36,850 р.

Вологда. Антрепренеръ г. Вяхиревъ закончилъ сезонъ при оборотѣ въ 22,500 р. съ барышомъ въ 2,200 руб. Въ будущемъ сезонѣ опять держать драму въ Вологдѣ.

Вятка. Драма Н. А. Треплева при валовомъ сборѣ около 20,000 руб. дала около 3,900 руб. убытка.

Елецъ. М. М. Меркуловъ взялъ 14,300 валового; закончилъ сезонъ безъ убытка.

Елисаветградъ. Антреприза г. Половцева, сдѣлавъ оборотъ въ 30,000 руб., понесла убытокъ 1700 руб.; артистамъ уплачено.

Житомиръ. Намъ пишутъ: „20 февраля закончились въ городскомъ театрѣ спектакли опернаго кооперативнаго товарищества. Взято свыше 60 коп. на марку“.

Иваново-Вознесенскъ. Дирекція литературно-музыкальнаго общества при валовомъ оборотѣ въ 18,000 свела концы съ концами.

Казань. Драма Н. Д. Кручинина сдѣлала хорошій сезонъ, взявъ валового 88,000 руб.

Кинешма. Очень скверно прошелъ сезонъ для союза сценическихъ дѣятелей, державшаго здѣсь театръ.

Ковровъ-Шуя. Б. П. Эспѣ держалъ два города—Ковровъ и Шуя. Ковровъ при 9000 оборота далъ прибыли 1500 рублей. Шуя принесла 2000 руб. убытка.

Красноярскъ. И. М. Суходревъ взялъ 35,200 валового сбора, получилъ 4500 рублей прибыли.

Курскъ. И. А. Орловъ понесъ убытокъ. Артистамъ заплачено сполна.

Кременчугъ. Драма закончила сезонъ съ убыткомъ. Нѣкоторые артисты въ уплату получили векселя.

Могилевъ. губ. Намъ телеграфируютъ: „Кончилъ сезонъ блестяще. Взято 23 тысячи. Снялъ театр на три года. Григорій Невский“.

Николаевъ. Антрепренеръ драмы г. Писаревъ, сдѣлавъ оборотъ въ 23,000 р., понесъ убытокъ болѣе 30,000 р. Заплатилъ всѣмъ артистамъ.

Н.-Новгородъ. П. П. Медвѣдевъ закончилъ сезонъ съ хорошимъ барышомъ.

Новочернассъ. С. И. Крыловъ сдѣлалъ оборотъ 50,000 руб.; взялъ барыши.

Омскъ. Н. Д. Кручининъ сдѣлалъ валового 31,000 р.

Оренбургъ. Дирекція оренбургскаго народнаго дома взяла за сезонъ 15,000 р.

Орелъ. В. И. Крамоловъ взялъ за сезонъ 38,000 руб. Кончилъ съ барышемъ около 3000 руб.

Пермь-Екатеринбургъ. Г. Кириковъ, державшій Пермь и Екатеринбургъ, при 43,000 руб. валового сбора получилъ 3000 р. прибыли.

Ровно-Острогъ. И. И. Смирновъ, державшій драму въ Ровнѣ и Острогѣ, понесъ убытка до тысячи рублей.

Рязань. Г-жа Каразина сдѣлала валового 23,000, руб. Чистая прибыль 2000 руб.

Самара. Антреприза г. Полонскаго закончила сезонъ съ хорошимъ барышемъ, сдѣлавъ валового, за вычетомъ доходныхъ статей, 74,000 рублей.

Семипалатинскъ. Драм. труппа бар. Розена закончила сезонъ печально. Труппа жалованья не получила, обратилась въ Бюро за помощью на выѣздъ.

Сочи. Антреприза г. Годзи понесла убытокъ до 3 т. руб. Труппѣ все уплачено.

Ставрополь губ. М. И. Судьбининъ при 38,000 руб. валового оборота получилъ прибыль.

Таганрогъ. Г-жа Шателенъ закончила сезонъ съ прибылью, сдѣлавъ валового 34,000 руб.

Тифлисъ. Оперный антрепренеръ г. Эйхенвальдъ понесъ убытка 13,000 рублей.

Троицкъ. Г-жа Андреева сдѣлала 7500 р. валового сбора, не получивъ ни прибыли, ни убытка. Артистамъ уплачено.

Тюмень. Намъ пишутъ: „Театръ А. Текутьева. Дирекція С. З. Ковалевой закончила сезонъ съ убыткомъ, артистамъ уплачено сполна. Управляющій Н. Н. Мацкій“.

Уральскъ. П. М. Корсаковъ при валовомъ оборотѣ въ 11,800 руб. понесъ убытка 1,200 руб., расплатившись съ артистами.

Царицынъ н/В. Намъ пишутъ: Драм. труппа А. Д. Лаврова-Орловскаго закончила сезонъ благополучно. Актерамъ уплачено сполна. Валовая цифра сбора за 4 1/2 слишкомъ м-ца—(съ 1-го октября по 20 февраля) 20,000 рублей. Поставлено 127 спектаклей, включая сюда утренники, благотворительные, и спектакли по удешевл. цѣнамъ.

Ярославль. А. П. Сотниковъ въ общедоступномъ театрѣ при 17,000 руб. оборота получилъ прибыли 2100 руб.

Сдача театровъ и акгажемехты.

Баку. На будущій зимній сезонъ антрепренеръ г. Полонскій, снявшій зимній театръ г. Тагіева, пригласилъ въ труппу: г-жъ Стопорину, Линецкую и гг. Людвигова и Успенскаго.

Барнаулъ. Лѣтній театръ. Обществ. собраніе. Драма. Дирекція Н. Н. Мацкаго.

Вологда. На зимній сезонъ театръ сданъ на прежнихъ условияхъ антрепренеру А. П. Вяхиреву.

Иркутскъ. Къ Бородаю подписала на будущій сезонъ М. Н. Марина, служившая этотъ сезонъ у Кручинина въ Кіевѣ.

Иркутскъ. На роли любовниковъ на будущій сезонъ къ г. Бородаю подписалъ артистъ кіевскаго театра Бергонье г. Литвиновъ.

Кіевъ. Г. Дагмаровъ для двухъ лѣтнихъ театровъ формируетъ опереточную и фарсовую труппу. Въ оперетку приглашены: г-жи Потопчина, Легаръ-Лейнгартъ, Алези-Вольская, Арнольди; гг. Грѣховъ, Фокинъ, Августовъ, Эспѣ и др. Въ фарсѣ приглашены: г-жи Стрешнева, Бяратинская; гг. Казанскій, Горскій; ведутся переговоры съ г-жей Мартыновой. Режиссеромъ приглашенъ г. Олигинъ.

Красноярскъ-Томскъ. Театръ въ Красноярскѣ на будущій сезонъ остается за теперешнимъ арендаторомъ И. М. Суходревымъ. Имъ же снятъ на будущій сезонъ театръ въ Томскѣ. Драма и оперетка по 1/2 сезона. Въ драмѣ остались служить гг. Гондатти и Инсаровъ.

Нижній-Тагиль. Постъ и Пасха. Драма. Дирекція Н. Н. Мацкаго.

Новочернассъ. На будущій сезонъ С. И. Крыловъ сформировалъ почти всю труппу. Приглашены: г-жи Вейманъ, Невѣрова, Самборская; гг. Никольскій, Федоровъ, Ангаровъ, Давыдовъ, Михайловъ, Каширинъ, Петровъ и Мартовъ.

Оренбургъ. Эстеррейхъ на зимній сезонъ въ Оренбургъ пригласилъ: г-жъ Миличъ, Ларину, Рыбакову; гг. Любошъ, Соснина; режиссеромъ—г. Аярова.

Псковъ. На лѣто театръ снять И. А. Орловымъ.

Рига. У г. Михайловскаго на будущій сезонъ изъ прежняго состава остались: г-жи Васильчикова, Раксанова, Кодряга; гг. Анисимовъ, Михайловъ и Строгановъ. Режиссеромъ остается г. Бобровъ.

Уфа-Николаевъ. П. П. Медвѣдевъ лѣтомъ держитъ драму въ Уфѣ, зимой въ Николаевѣ. Труппа уже почти вся сформирована, въ ея составъ вошли: г-жи Кражева, Кремнева, Англичанова, Раевская, Микульская, Лаврова; гг. Слоновъ, Рыбниковъ, Волковъ, Курскій, Истоминъ и др.

Царицынъ н/В. Лѣтній театръ держитъ антрепренеръ г. Миллеръ вмѣстѣ съ артистомъ г. Строительнымъ. Въ составъ труппы вошли: г-жи Ларина, Севастьянова, Линоръ, де-Росси, Муромская, и др.; гг. Муравлевъ-Свирскій, Строитель, Краснопольскій, Муромцевъ, Песоцкій, Левскій, Одинцовъ и др. Режиссеръ—Муравлевъ-Свирскій.

Ѳводосіа. Лѣтній театръ городского сада на предстоящій сезонъ заарендованъ антрепренеромъ А. К. Рейнке. Открытіе сезона 1-го мая. Первые два мѣсяца драма.

Провихціалъная лѣтопись.

НИЖНІЙ-НОВГОРОДЪ. Последніе полтора мѣсяца сезона, если что и дали интересное, то только постановку „Братьевъ Карамазовыхъ“ по mise en scenes Художественнаго театра. При шаблонныхъ рутинныхъ постановкахъ, что составляло отличительную особенность нынѣшняго сезона, „Карамазовы“ явились нѣкоторымъ отряднымъ исключеніемъ, но общій уровень исполненія—увѣ—далеко не удовлетворялъ: первый вечеръ былъ лучше второго. Хорошъ старикъ Карамазовъ—г. Людвиговъ, выдержанно играла г-жа Стопорина (Грушенька) и г-жа Миличъ (Катерина), выразительно провелъ роль Снегирева г. Истоминъ-Костровскій, отдѣльные яркіе штрихи далъ г. Радловъ (Смердяковъ), удался Алеша г. Барсовъ, но Димитрій (г. Кувичинскій) и Иванъ (г. Орскій) были слабы. Сцена въ Мокромъ вышла нудною, неинтересною. Изъ серіи вторыхъ бенефисовъ, наиболѣе удавшійся въ художественномъ отношеніи бенефисъ г-жи Стопориной („Балерина“) съ очень прочувствованною игрою бенефициантки. Второй бенефисъ антрепренера г. Медвѣдова „Высшая школа“. На масленицѣ полный сборъ взялъ г. Орскій „Больные люди“ и „Освобожденные рабы“. Первая пьеса рѣшительно плохо была разыграна несмотря на старанія бенефицианта; во второй бенефициантъ показалъ себя тонкимъ, изысканнымъ комедійнымъ актеромъ. Изъ новыхъ пьесъ выбрали „Журналистовъ“, „Неизвѣстную“, „Поле брани“, „Было да прошло“ (въ день 19 февраля), „Великая грѣшница“. Возобновили еще „Дворянское гнѣздо“, но обставили пьесу страшно небрежно и топыко одна г-жа Стопорина (Лиза) и г. Оростовскій (Гедеоновскій) поняли Тургенева, остальные играли, безконечно далекие отъ замысловъ автора. Въ общемъ все-же

нѣкоторыя пьесы удавались труппѣ; такъ, хорошо прошли „Великая грѣшница“, „Въ осадномъ положеніи“, но спѣшность работы, обиліе работы мѣшали выливаться песамъ въ отечественныя формы стройно-продуктивнаго исполненія. Тѣмъ не менѣе со второй половины января и до конца сезона дѣла шли въ матеріальномъ отношеніи очень хорошо; „дешевки“ проходили при переполненныхъ сборахъ, масленица на всѣхъ вечернихъ спектакляхъ давала совершенно полный залъ, такъ что въ итогѣ сезонъ законченъ съ убыткомъ въ 1000 руб. и эта тысяча легко покрывается дальнѣйшею эксплуатациею театра. „Джентльменомъ“ закрыли сезонъ. Его итоги... Обычныя грѣхи провинціального театра прежде всего—невыдержанность репертуара, его случайность, неумѣнныя дирекціи останавливать вниманіе на дѣйствительно интересныхъ пьесахъ, воскрешеніе архаическихъ пьесъ, утратившихъ всякое значеніе. Затѣмъ, монотонность и одноцвѣтность, проистекавшая отъ нежеланія антрепризы обновить сезонъ какой-либо новою постановкой: „Лѣсныя тайны“—единственная пьеса, удостоившаяся новой декорации, всѣ остальные шли въ надѣвшихъ пестрыхъ сначала, теперь потускнѣвшихъ павильонахъ со старыми полотноми. Отсутствие спеціальной интеллигентной режиссуры плюсъ напряженная работа актера были причиной тому, что рѣзкая пьеса, вдумчиво, стильно, исполненная, большей же частью получалась нестройная разноголосица съ рядомъ отдѣльных хорошихъ моментовъ, но съ плохимъ, невыдержаннымъ общимъ ансамблемъ. Словомъ, малоинтересный сезонъ, не исползованный какъ слѣдуетъ, несмотря на то, что въ составѣ труппы числились незаурядныя артистическія величины.

Съ поста начинаются гастроли гг. Рудницкаго и Смурскаго съ актерами—частью изъ труппы г. Медвѣдева, частью изъ театра Корша. Объявлены уже пьесы „Самсонъ и Далила“, „Душа, тѣло и платье“, „На всякаго мудреца довольно простоты“.

И. Саввинъ.

БАЛУ. Бенефисы къ концу сезона у г-жи Боярской въ труппѣ стали особенно часты. Прошелъ бенефисъ художника-декоратора г. Смирнова, поставившаго сказку-феерію Кригеръ-Вогдановской „Ночь волшебныхъ сновидѣній“, для которой бенефициантъ написалъ стильныя красивыя декорации, встреченныя единодушными аплодисментами публики.

Значительная доля успѣха должна быть отнесена, несомнѣнно, за счетъ самой антрепренерши, шедрой рукой жертвующей для любимаго дѣла. Своему замѣстителю по арендѣ Тагѣевскаго театра она оставитъ богатѣйшія декорации.

Г-жа Боярская—симпатичный типъ меценатки-антрепренерши, которая при иной благоприятной конъюнктурѣ обстоятельствъ могла бы болѣе дѣйствительно послужить дѣлу любимаго театральнаго искусства, но не въ ея, повидимому, власти создать эти самыя благоприятныя обстоятельства: это выше ея слабыхъ женскихъ силъ.

Помимо упомянутой „Ночи волшебныхъ сновидѣній“ г-жа Боярская въ теченіе сезона поставила съ повтореніями еще двѣ сказки-фееріи для дѣтей, которыя, надо отдать имъ справедливость, оказались наиболѣе отзывчивой публикой и всегда переполняли театръ.

Прошелъ бенефисъ г. Смоленскаго, актера съ глуховатымъ голосомъ, лишеннымъ нотокъ искренности, которую онъ старается замѣнять слащавостью, и съ суетливыми утомительными движеніями головы, которыми онъ разсчитываетъ создать иллюзію наивности и простоты. Бенефисной пьесой явилась старинная передѣлка съ польскаго и лишенная какихъ-либо литературныхъ или художественныхъ достоинствъ пьеса „Оболтусы Вѣтрогоны“.

Изъ новинокъ, кромѣ упомянутыхъ мною въ моихъ предыдущихъ корреспонденціяхъ, прошла „Распродажа жизни“ Смурскаго. Въ прессѣ встрѣтила отрицательное отношеніе. Части публики понравилась.

Общая любимица бакинской публики комическая старуха В. А. Ларина въ бенефисъ свой поставила „Привидѣнія“ Ибсена, гдѣ сама не выступала, и „Женитьбу“ Гоголя, гдѣ она выступала въ роли свахи и по обыкновенію создала художественный образъ. Бенефициантка получила подарки и цвѣты.

Въ роли Агафьи Тихоновны выступила г-жа Весновская и показала себя прекрасной исполнительницей этой характерной роли. Вообще думается мнѣ, призваніе этой не лишенной дарованія артистки—не столько роли *ingénue dramatique*, въ какихъ-то она бываетъ нѣсколько однообразна какъ по тону, такъ и по мимикѣ, сколько роли *ingénue comique* и характерныя. Въ послѣднихъ она болѣе ярка и разнообразна.

Въ бенефисъ свой г-жа Весновская поставила „Эросъ и Психею“ Жулавскаго, гдѣ выступала въ роли Психеи. У публики имѣла успѣхъ. Получила цвѣты и подарки.

Состоялся бенефисъ полезной и симпатичной артистки г-жи Савостьяновой. Шла „Гусарская лихорадка“.

Состоялся второй бенефисъ талантливаго премьера труппы г. Шорштейна. Шла „Трильби“. Бенефициантъ съ большимъ успѣхомъ провелъ роль Свенгали. Успѣхъ съ нимъ дѣлила исполнительница Трильби г-жа Степная.

Прошелъ бенефисъ уполномоченнаго труппы г-жи Боярской, А. Г. Востокова. Поставленная имъ „Дачныя барышни“

Островскаго собрали полный театръ зрителей. Съ точки зрѣнія матеріальнаго успѣха это былъ наиболѣе удачный бенефисъ.

Рѣшимовъ въ бенефисъ свой поставилъ шиллеровскаго „Вильгельма Теля“. Бенефициантъ, актеръ не лишенный дарованія, но нѣсколько однообразный, выступилъ въ заглавной роли Теля и провелъ ее удачно.

Сына Вильгельма Теля очень тепло провела г-жа Вокаръ, молодая, не безъ искры, артистка, съ задушевнымъ тономъ и простотой игры.

14-го февраля труппа г-жи Боярской поставила новую, еще нигдѣ неигранную пьесу Гордина „Чудакъ“ въ 4-хъ дѣйствіяхъ въ переводѣ мѣстнаго фельетониста Глазенауза. Уступая значительно по достоинству „Сатанѣ“ и „Миррѣ Эфросъ“ гординскій „Чудакъ“, какъ и всѣ видѣнные до сихъ поръ произведенія этого автора, сцениченъ, но лишень особыхъ литературныхъ или художественныхъ достоинствъ. Переводъ сдѣланъ, повидимому, довольно гладко.

Прошелъ и бенефисъ г-жи Степной. Талантливая артистка выступила въ пьесѣ Щепкиной-Куперникъ „Одна изъ многихъ“ въ центральной роли Мирры, гдѣ вмѣстѣ съ драматическимъ и комедійнымъ дарованіемъ обнаружила умѣнне красиво пѣть и танцовать. Это былъ одинъ изъ самыхъ удачныхъ бенефисовъ по матеріальному и художественному успѣху.

8-го февраля громадное помѣщеніе театра-цирка бр. Никитиныхъ было переполнено публикой: выступала Плевицкая съ репертуаромъ народныхъ пѣсенъ. Среди общаго энтузіазма раздавались голоса объ отсутствіи у нея голоса, о томъ, что она не пѣвица, а „diseuse“ и т. д. „Diseuse“-ли, пѣвица ли г-жа Плевицкая, не берусь судить, но что трудно было болѣе прекрасно развернуть передъ слушателями и зрителями всю широкую душу русскаго народа, въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія.

Сезонъ кончается. Выясняется, что на слѣд. сезонъ театръ Тагѣева будетъ держать г. Полонскій.

На постъ будемъ имѣть оперетту, которую держитъ Багиръ А. Тагѣевъ.

Сергій Левъ.

НИКОЛАЕВЪ. Какъ я уже сообщалъ, у насъ начинаются гастроли харьковской труппы Н. Н. Синельникова. Пока объявлено 15 спектаклей. Пойдутъ при харьковскомъ ансамблѣ: „Gaudeamus“, „Жуликъ“, „Распутіца“, „Темное пятно“, „Концертъ“, „Большой чеповѣкъ“, „Лѣстница славы“, „Поле брани“, „Генрихъ Наваррскій“, „Марія Стюартъ“, „Столпы общества“, „Журналисты“, „Перекаты“, „Смѣшная исторія“ и „Тайфунъ“. Полагаютъ, что въ случаѣ матеріальнаго успѣха, труппа останется здѣсь еще на нѣкоторое время. Открытія спектаклей здѣсь ждутъ съ нетерпѣніемъ.

Какъ теперь выяснилось, С. В. Писаревъ понесъ въ зимнемъ сезонѣ убытка не 25,000 руб., какъ я сообщалъ раньше, а гораздо больше—около 40,000. Крахъ, котораго не знали до сихъ поръ въ Николаевѣ антрепренеры... Дорогоныя заплатилъ г. Писаревъ за Онуфрія и Бѣлугина. Кстати, въ виду непроизводства нѣкоторыхъ платежей, на кассу былъ наложенъ арестъ и сборы забирали судебный приставъ.

III.

ВОЛОГДА. Репертуаръ за время съ 26 декабря по 6 января: „Тайфунъ“ (утр.), „У дверей рая“, „Gaudeamus“ (утр.), „Синяя птица“, „Ревизоръ“ (утр.); „Огнемъ и мечемъ“, „Анфиса“, „Въ неравной борьбѣ“ (бенеф. г-жи Неметти), „Поле брани“, „Сонъ Услыды“ (утр.), „Жуликъ“, „Вѣдьма“ (утр.), „Крейцеровъ соната“, „Бой бабочекъ“, „Тетенькинъ хвостикъ“ (бенеф. оркестра), „Мирра Эфросъ“ (утр.), „Жуликъ“, „Счастье только въ мужчинахъ“, „Цѣпи“ (утр.), „Синяя птица“, „Рокковая женщина“, „Старый закалъ“ (бенеф. г. Глубоковскаго), „Гибель Содома“ (ум.), „Поле брани“ (утр.), „Въ горахъ Кавказа“, „Крупная игра“ и „Холодные души“, „День денщика Душкина“, „Каморра“, „Огнемъ и мечемъ“ (уменьш.), „Бой бабочекъ“ (утр.), „Юдифь“, „Санинь“, „Царица Тамара“ (бенеф. г-жи Шибуревой), „Уриель Акоста“ (ум.), „Генрихъ Наваррскій“ (утр.), „Синяя птица“, „Ревизоръ“ (утр.), „Любовь и смерть“, „Золотая Ева“ (бенеф. г-жи Зыревской), „Царица Тамара“ (уменьш.), „Жуликъ“ (утр.), „На всякаго мудреца довольно простоты“, „Въ неравной борьбѣ“ (благодар.), „Ради счастья“ (бенеф. г. Снѣгова), „Любовь и смерть“ (ум.), „Юдифь“ (утр.), „Рабьини гарема“, „Синяя птица“ (ум.), „Сильные и слабые“ (бенеф. г. Летковскаго), „Лиса Патрикѣевна“ (бенеф. г-жи Стефани), „Двадцать лѣтъ въ тюрьмѣ“ (бенеф. г. Курскаго), „Синяя птица“ (утр.), „Рабство“ (Бенеф. г. Вяхирева), „На всякаго мудреца довольно простоты“ (утр.), „Было да прошло“, „Синяя птица“ (утр.), „Высшая школа“ (послѣдній спектакль).

Матеріальный успѣхъ второй половины сезона оказался, сверхъ ожиданія, очень хорошимъ: валовой сборъ однихъ только праздничныхъ спектаклей (съ 26 декабря по 6 января) въ общемъ достигъ 4300 руб. Затѣмъ, въ періодъ до масляницы сборы хотя и понизились, но дефицита не было. Масляничные спектакли дали валового сбора болѣе 2000 руб. Сезонъ законченъ съ прибылью, приблизительно, въ 3000 рублей. Нельзя не отмѣтить довольно удачной постановки пьесы „Синяя птица“, для которой были выписаны декорации, костюмы и бутафорія изъ Нижегородскаго театра (отъ г. Медвѣдева). Пьеса выдержала 8 постановокъ (2 изъ нихъ до

общедоступнымъ цѣнамъ) и дала на кругъ 170 руб. Вторичные бенефисы премьеровъ гг. Снѣгова и Летковского прошли при полныхъ, почти, сборахъ, отсутствовала по обыкновению лишь „галерочная“, вѣрнѣе „синематографическая“ публика. Бенефисъ г. Снѣгова совпалъ съ днемъ годовщины смерти В. Ф. Комиссаржевской. Бенефициантъ устроилъ послѣ

исполн. пьесы „Ради счастья“ вечеръ, посвященный памяти артистки. Были прочитаны наскоро, повидимому, составленный рефератъ и нѣсколько стихотворений. Впечатлѣніе отъ вечера получилось очень блѣдное, въ этомъ виноваты сами артисты, отнесшіеся безъ должнаго вниманія къ памяти угасшаго таланта. *Н. Д.—скій.*

СДАЧА ТЕАТРОВЪ и АНГАЖЕМЕНТЫ.

КАЛУГА.

СДАЕТСЯ въ аренду съ декораціями и обстановкой ГОРОДСКОЙ ТЕАТРЪ

съ 1-го Іюля 1911 г. срокомъ на одинъ годъ.

Полный сборъ: обыкновенный до 600 руб., бенефисный до 800 руб.

Театръ зимній одинъ.

Освѣщеніе электрическое, отопленіе водяное. Полъ партера подъемный, соединяющийся во время маскарадовъ и баловъ со сценой въ одинъ общій залъ.

Театръ сдается безъ вѣшалки и безъ буфета.

АРЕНДНАЯ ПЛАТА 2000 р. въ годъ.

Съ предложеніями и запросами обращаться въ Калужскую Городскую Управу. Р. С. Заявленія Управой будутъ приниматься до 20-го Марта, сдача послѣдуетъ въ концѣ его. 3—1

КУРСКІЙ городской ТЕАТРЪ свободенъ

на Великій постъ, Пасху и впредь и сдается гастрольнымъ труппамъ: опернымъ, опереточнымъ, драматическимъ, а также для концертовъ, симфоническихъ и др. вечеровъ и проч. и проч. За подробностями и условіями обращаться въ г. Курскъ, Городской театръ, къ завѣдующей театромъ Пелагеѣ Андреевнѣ Михайловой.

СОЧИ.

Театръ Общественнаго Собранія мѣсть 400, въ томъ числѣ 100 на балконѣ,

съ Пасхи свободенъ

Въ теченіе зимняго сезона играетъ драматическая труппа подъ режиссерствомъ С. И. Годан. 9—4

Тифлисскій театръ Артистич. Общества СВОБОДЕНЪ и сдается на Великій Постъ 1911 г. и съ 18 апрѣля на весевній сезонъ.

За свѣдѣніями и условіями обращаться: Тифлисъ, Артистическое Об-во, А. Бузену.

При ст. **РОВНО** въ паркѣ
свободенъ лѣтній театръ
(мѣсть 600).
Обращ. Ровно вокзалъ комитету гуляній.

ВЪ ЛУГАНСКѢ
СДАЕТСЯ лѣтній ТЕАТРЪ.
Плата за 4 мѣсяца 3000 р.
съ освѣщеніемъ.
За подробностями обращаться: г. Луганскъ, Горно-Коммерческій клубъ.

ГАСТРОЛИ
Рафаила Львовича
АДЕЛЬГЕЙМА
при участіи
МАРИИ ГОРИЧЕВОЙ.
6-го — Канскъ, 7-го — Омскъ,
8-го — Петропавловскъ,
9 и 10-го — Челябинскъ.

БЕРДЯНСКЪ Городской театръ СВОБОДЕНЪ

пасху, постъ. Желательна оперетка, фарсъ, малороссы, гастрольныя труппы, концерты. Условія очень выгодныя. Обращаться: Бердянскъ, театръ Борисовой.

КРЕМЕНЧУГЪ.

ЗИМНІЙ ТЕАТРЪ

свободенъ на Великій постъ, Пасху и впредь гастрольнымъ труппамъ, **сдается** подъ концерты и т. д. на выгодныхъ условіяхъ, или процентахъ. Вновь отремонтированъ, сдѣланы капитальныя пристройки: большое фойе, буфетъ, раздѣвальни и др. удобства. Декорація, 7 перемѣнъ мебели, ковры, драпри и т. п.

Обратиться: Кременчугъ—театръ. Дирекція Р. Н. Олькеницій.

1911 г. Большое концертное турнэ

„Вечеръ вальсовъ“

А. Д. Онѣгиной, д'Альгеймъ и Франца Отто-Сильгогу. Дирекція А. В. Оболянинова. 1—2

ВЪ НОВОЧЕРКАССКѢ

СВОБОДЕНЪ ЛѢТНІЙ ТЕАТРЪ

В. И. Бабенко,

въ городскомъ Александровскомъ саду,

съ 29 Мая по 29 Іюня.

Адресъ: Новочеркасская Д. Обл. Магазинъ В. И. Бабенко. 4—3

Аккомпаниаторъ

свободный художникъ

Семенъ Осиповичъ Осландъ.

Разучиваніе и художественное исполненіе оперныхъ партій и концертнаго репертуара.

Аккомпан. въ концертахъ, приним. предложенія въ отъѣздъ.

Спб. Бронницкая ул. 19, кв. 11, тел. 505—64.

ЗДОРОВАЯ ЮНОСТЬ! ЗДОРОВАЯ СТАРОСТЬ!

Предостереженіе! Требуйте настоятельно фирму. Д-ра ГОММЕЛЯ.

Благодаря
ГЕМАТОГЕНУ
Д-ра ГОММЕЛЯ

НѢТЬ лучшаго средства, какъ безподобное МЫЛО „ФЛОРА“

Д. Гартмана, въ Вѣнѣ 3/1.

противъ веснушекъ, сухого и мокрого лишая, угрей, прыщей, зуда, перхоти и нечистоты кожи.

Тысячи благодарн. со всѣхъ странъ свѣта!

Послѣ кратковременнаго употребленія блестящій успѣхъ.

Продаютъ аптеки и аптекарскіе магазины по 75 и 50 к. кусокъ.

Примѣч. Настоящее только въ крас. упаков. съ подписью „D. Hartman, Wien“ и съ вышеуказаннымъ фабричнымъ клеймомъ на каждомъ кускѣ.

Въ С.-Петербургѣ: Главные склады: Русское Общ. Торговли Аптек. тов. Казанская, 12. Н. Волпейнъ и Ко, Гостиный дворъ, 55. М. Фольманъ и Ко, Невскій пр., 3.

Въ Москвѣ: Н. Матейсенъ, Тверская, соб. д.

RÖNISCH

Прив. фабр. К. Рёнишъ

ПИАНИНО

отъ 485 р.

РОЯЛИ

отъ 700 р.

Для живущихъ
здѣсь допускается

Разсрочка

на срокъ 12 мѣс. и болѣе

Дѣло роялей

К. И. БЕРНГАРДЪ

Невскій, 72, прот. Троицк.

ВѢРНОЕ СРЕДСТВО ДЛЯ РОЩЕНІЯ ВОЛОСЪ

ХИНИНОЕ МЫЛО

(содержитъ Chininum hydrochloricum 1%).

Приготовлено въ Лабораторіи А. ЭНГЛУНДЪ.

Совершенно уничтожаетъ головную перхоть и превращаетъ выпаденіе волосъ.

Цѣна за кусокъ 40 коп., съ пересылкой 2 куса 1 р. 10 к.

Для предупрежденія поддѣлокъ прошу обратить особенное вниманіе на подпись А. Энглундъ красными чернилами и марку С.-Петербургской Косметической Лабораторіи, которыя имѣются на всѣхъ этикеткахъ. Получать можно во всѣхъ лучшихъ аптекахъ, аптекарскихъ, косметическихъ и парфюмерныхъ складахъ Россійской Имперіи. Главныя агентства и склады фирмы для Европы: Гамбургъ—Эмиль Беръ; Вѣна—Лео Глаубаухъ, Кертнеръ Рингъ, 3; Ницца—Е. Лотаръ; для Южной и Сѣверной Америки: Нью-Йоркъ—Л. Мишнеръ. Главный складъ для всей Россіи А. ЭНГЛУНДЪ, С.-Петербургъ. Новодеревенская набережная, 15.

Новая пьеса

„ОТЧЕГО ПОРВАЛИСЬ СТРУНЫ“

въ 3-хъ д. К. А. Тренева, Прошла въ Ростовѣ на/Д. и др. городахъ. Разрѣшена безусловно. Пр. Вѣстн. № 240 с. г. ц. 2 р. (м. 7, ж. 4). Контора „Театра и Искусства“ 47,12—11

КОСТЮМЫ

3—1

богатыя историч., характер., и фантастическ. для большого дѣла предл. на лѣто, зиму и въ поѣздки. Можно частями. Спр. Москва Бюро у Н. В. Извольскаго. Жел. продамъ.

„Провокаторъ жизни“

въ 4 д. И. Вермишева ц. 2 р. Безусл. разр. Пр. Вѣст. 1911 г. № 31. Выпяс. изъ Т. и Иск. и Союза писателей.

ЭСТРАДА

сборникъ стихотвореній, монологовъ, разсказовъ, романсовъ и т. п. пригодныхъ для чтенія съ эстрады. Т. I. (1910—1911 г.г.) 352 стр. ц. 1 р. 50 к. цѣнзуров. 3 р. 50 к.

РЫЖІЙ

В. В. Протопопова. Къ предст. запрещена, ц. 80 к. Высылаются наложен. платежомъ. Контора журнала „Театръ и Искусство“.

НОВАЯ КНИГА

Софій Вѣлой

„КОМЕДИАНТЪ“

(еврей изъ Голты). Разрѣш. безуслов. рол. 4 ж., 5 м. Прод. Моск. т. библ. Разсокина.

И. И. Зеленецкій.

НОВЫЯ ПЬЕСЫ:

„Лилловый Ракъ“, др. 5 д.
„Дилемма“, д. 5 д.
„Пузырь“ (Душный человекъ), ком. 4 д.
„Новая Крылья“, пьеса 3 д.
По 2 р. вып. можно отъ авт., г. Симферополь. Дѣйств. лицъ мало. Удобн. пост. въ провинціи. 10—2

ПРЕЙСЪ-КУРАНТЬ БЕЗПЛАТНО.

ФАБРИКА ПАСТИЖА И

получилъ за выставку въ Парижѣ почетный дипломъ и медаль.

ТЕАТРАЛЬНЫХЪ ПАРИКОВЪ.

за выставку въ Ростовѣ на дону золотая медаль.

Гримеръ и Театральный Парикмахеръ Спб. Народнаго Дома ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ II

и остальныхъ 6-ти Полечительскихъ театровъ о народной трезвости, а также С.-Петербургскихъ и Московскихъ частныхъ театровъ. Въ С.-Петербургѣ: Лѣтняго и Зимняго театра Вуффъ, театра Пасажъ, театра Фарсъ, Гумпачова, театра Фарсъ, Казанскаго, театра Гиньоль, Театральнаго клуба, Новаго Лѣтняго театра, театра Акваріумъ, Спб. Зоологическаго сада, театра Эдентъ, Шато-де-флеръ и проч. Въ Москвѣ: Лѣтняго и Зимняго театра Эрмитажъ и Дѣтской труппы Чистякова.

ГЕННАДІЙ АЛЕКСАНДРОВЪ.

ГЛАВНОЕ ОТДѢЛЕНІЕ ФАБРИКИ, МАСТЕРСКІЯ, КОНТОРА и МАГАЗИНЪ въ С.-ПЕТЕРБУРГѢ, Кронверскій пр., 61. Телефонъ 35-78.

Разсылаю по провинціи опытныхъ мастеровъ-гримеровъ съ полнымъ комплектомъ париковъ.

ДАМСКІЙ ЗАЛЪ

ПРИЧЕСКА ДАМЪ и ВСЕВОЗМОЖНЫЙ ПАСТИЖЪ

(входъ съ отдѣльнаго подъезда съ Гуляной улицы).

Высылаю въ провинцію налож. платеж. всевозможные парики и бороды всѣхъ вѣковъ и характеровъ.

12 тысячъ париковъ.

12 тысячъ париковъ.

РОЯЛИ ПИАНИНО

К. М. Шредеръ

С.-Петербургъ. — Невскій, 52, уг. Садовой.

Мыло изъ Ромашки

нѣжнѣйшее для кожи

оздоравливаетъ кожу,
устраняетъ нечистоты, прыщи и пр.
Придаетъ лицу нѣжный цвѣтъ,
КРАСОТУ и МОЛОДОСТЬ.

Превосходно и для ухода за
ВОЛОСАМИ,

а ввиду его нѣжности является
первокласснымъ
МЫЛОМЪ для ДѢТЕЙ.

Продается: въ Фабричномъ Депо
ФРИЦЪ ШУЛЬЦЪ,
С.-Петербургъ, Троицкая 6,
въ аптекахъ, въ лучш. аптек. мага-
зинахъ и въ главныхъ городахъ
Россійской Имперіи.

НЕСГОРАЕМАЯ ПАНЦЫРНАЯ КАССЫ.

Акц. О-во „Артуръ Коппель“
С.-Петербургъ, Невскій, № 116.
Телефонъ № 95-27.

Магазинъ для рознич. продажи:
Спб. Фонтанка, № 52 (у Графскаго
пер.) Телеф. 287—06.

КАТАЛОГИ ПО ТРЕБОВАНІЮ.

**ГРОМАДНЫЙ
ВЫБОРЪ
ПИАНИНО**
въ разныхъ
стиляхъ.

ПО УМѢРЕННЫМЪ ЦѢНАМЪ
чернаго, орѣховаго, дубоваго,
грушеваго, краснаго дерева
и сѣраго клена.

Придв. фортепiанная фабрика

Бр. ОФФЕНБАХЕРЪ.

Казанская. № 3, уг. Невокаго,
Тел. 35—50.

РАЗСРОЧКА отъ 15 руб. въ мѣс.
Арт. рук. ЛДВИГИ ЗАЛЬСКОЙ.
Гарантія 10 лѣтъ.

26—21 **БЛЕСТКИ,**
камни, парча, позументъ.

Г. СЕРЕБРОВЪ

увѣдомляетъ, что свой магазинъ перевелъ
изъ Москвы въ С.-Петербургъ, уг. Апра-
ксина пер. и Садовой, № 44.

Требованія скоро выполняются.

ЗАЛЪ ДВОРЯНСКАГО СОБРАНІЯ

ВЪ СРЕДУ, 9-го МАРТА,

8-й и послѣдній

Симфоническій концертъ С. КУСЕВИЦКАГО,

подъ управл. **С. КУСЕВИЦКАГО** съ участ. **А. Н. СКРЯБИНА** (фортепiано).

Программа изъ сочиненій А. Н. Скрябина:

2-я СИМФОНІЯ

и въ 1-й разъ

ПРОМЕТЕЙ (Поэма огня).

Начало въ 8^{1/2} час. вечера.

Билеты продаются въ Центральной театральной кассѣ (Невскій, 23) съ 10 ч. у. до 5 ч. веч.